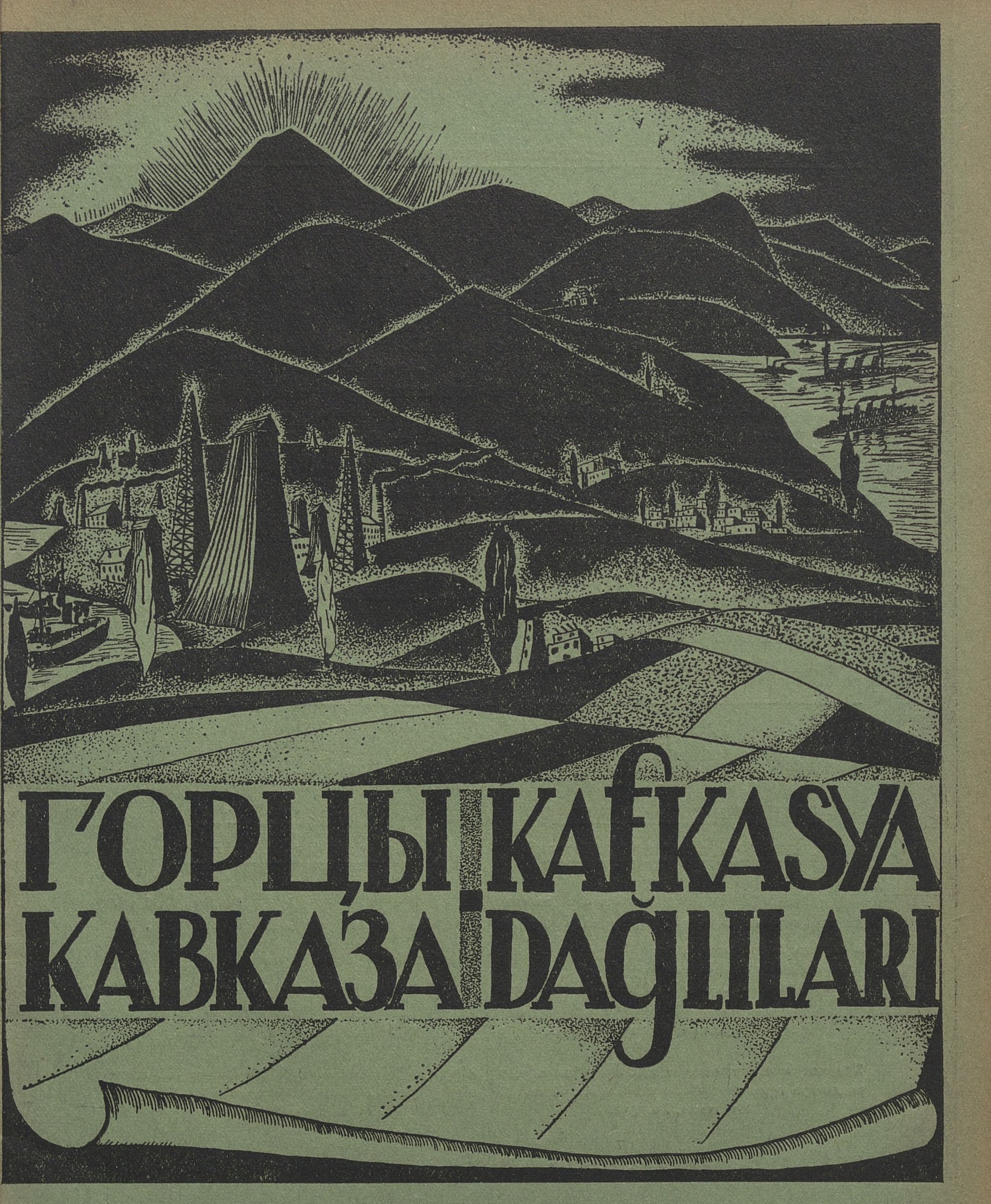

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

№ 49 март — 1934 — mart № 49

СОДЕРЖАНИЕ — İÇİNDEKİLER

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ „ГОРЦЫ КАВКАЗА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,50 долл.	1 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	1,5 долл.

Цена отдельного номера 5 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska Nr. 17 m. 18. Warszawa, Pologne.

„KAFKASYA DAĞLILARI" MECMÛASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,5 dol.	1 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	1,5 dol.

Tek nushası 5 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska Nr. 17 m. 18. Warszawa, Pologne.

Горцы Кавказа ≡ Kafkasya Dağlıları

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 49 МАРТ — 1934 — MART № 49

Mısırdaki muhacirlerimiz — Наша эмиграция в Египте

Kahiredeki „Çerkes kardeşliği" klubunun idare heyeti azaleri, 22 Şubat 1934 de, tahsilde bulunan çerkes gençlerine müsafir iken.

Члены правления клуба „Братство Черкесов" в Каире в гостях у черкесской учащейся молодежи 22 февраля т. г.

A. T.

Kafkasya Dağlılarının resmî lisanları

Kafkasya Dağlılarının esaretten kurtulma ve istiklâl hareketleri bugün değil, daha çok zaman evvel başlamalı idi.

Maalesef babalarımız, dedelerimiz, ecdadımız bu işe, şereflerile mütenasip, matlup derecede teşebbüste bulunmamış ve hiç olmazsa mustakil bir mevcudiyet için en evvel lâzım olacak vesaitin ihzarını dahi düşünmemiştir.

Dağlıların hürriyetleri hakkındaki istiklâl fikir ve hareketinin geç yayılmasından dolayı belki büyük mahzurlar hasıl olmuş ola bilir. Fakat hiç bir zaman mevcudiytlerine tesir yapamaz ve bundan dolayı ufak bir yeis ve füturun hissedilmesi dahi icap etmez. Kafkasya Dağlılarının millî mevcudiyetlerinin istihlas ve idamesinin ne suretle mümkün ve istihsal edile bileceğini düşünmek vazifesi, bütün Kafkasyanın münevver evladına düşer. Herkes, bulunduğu yerde elinden geldiği kadar her cepheden yardım ede bilir, ve yardım edecektir. Çünkü, Kafkasya toprakları; nankör, âtil, bayağı mahsul vermez.

Bugün Kafkasyanın münevver gençleri arasında bir uyanıklık, bir hareket vardır. Bu hareketlerin gayesi hür olmak, müstakil olmak, başkasının nam ve hesabına hava teneffüs etmemektir. Bu gayenin istihsali mümkün, ayni zamanda muhakkaktır. Velevki bu nesilden sonra olsa dahi...

Yalnız, istiklâl hareketlerinde çok musip planlar üzerine yürümek lâzımdır. Aksi takdirde netice, ekseriyen müsbet değil, menfi olur. Hem de yalnız siyasî, iktisadî, içtimaî... ilh. değil, bütün hareketlerde bir isabeti mutlaka mevcut olmak lâzımdır. Bundan dolayıdır, ki biz içimizden Kafkasya Dağlılarının her hareketinde bir isabetimutlaka ve bir neticei kat'iye ve müsbeteyi görmeği arzu ederiz. Buna istinaden, kafkasya dağlılarının yarınki resmî lisanları hakkındaki fikir ve talebimizi yazıyoruz:

„Kafkasya Dağlıları" mecmuasının 43 ve 44 nci nushalerinde „Şimalî Kafkasyalıların esareti" serlavhası altında müteselsilen neşredilen ve kafkasya dağlıları-istiklâl ve istihlasi için umumiyetle en esaslı noktaleri (1- lisan, bir kere Şimalî Kafkasyanın kurtulması ve bundan sonra da müstakil olarak... ilh.) cümlelerile devam eden ifade; lisan mes'elesinin halli için esaslı nokta ve çareleri bulmuş ve tesbit etmiştir. Biz de aynen lisan mes'elesinin her şeydan evvel ve müstacilen bugün halledilmesini arzu ve talep ediyoruz. Çünkü bugünkü hareketlerimiz filî değil, daha ziyade fikrîdir. Fikrin; istenildiği şekilde ve istenen en ince noktalara kadar cereyanını temin için mutlaka onun tecelli vasıtası olan lisana ihtiyaç vardır. Lisan mes'elesinin hallinde, yukarıda işaret ettiğimiz makalede de tasrih edildiği vechile, şu kısımlar derpiş edile bilir:

1- Bugün umumî, yâni resmî olarak kafkasya dağlılarının kullanacakları lisanlar, bizzarure, türkce ve ruscadır. Çünkü umumiyet itibarile dağlı münevverler türkce veya rusca konuşa bilmektedir. Bunlardan başka almanca, ingilizce gibi lisanları bilen varsa da, bunlar çok akalliyet teşkil egeceği için türkce veya rusca konuşmak mecburiyetinde kalacaklardır. Maahaza böyle ecnebi lisanlara aşina olan gençlerin ayni zamanda rusca veya türkceye vakif bulunacağı için bu cihet mevzuubahs olmağa bile degmez. Yalnız Arabistanda bulunan gençler, daha ziyade arapca ile ünsiyetleri olacağı bedihi ise de, bunlardan kısmı âzemisinin yine türkceye vukufları vardır. Vukufu olmıyanlar da bildiği hususî lisanlarla maksadını, meramını pek âla ifade ede bilir. Binaenaleyh bir kere bugünlük; yapılacak bütün neşriyatta, istimalde bu iki lisanı yan yana kullanılmayı prensip ittihaz ve kabul etmeli ve her dağlı da, dağlıların kendi hususî lisanlarının kâfi gelmediği yerlerde müracaat edeceği umumî vasıtanın, millî fikir ve ilim sahasında kullanılacak lisanın türkce ve rusca olduğunu bilmelidir*). Dinî bir lisan olmak itibarile, mecburiyet halinde, bilenler için arapca da bâzi neşriyat yapıla bilir.

---

*) Buğünlük bu tarzi hareketin muvafik olacağına kanaat getirdiğimiz içindir, ki „K. D." mecmuasının de ayni zamanda her iki lisan ile, yâni yazıyı bir sütunu türkce bir sütunu de rusca olmak üzre, sahife sırasile yazılmanın muvafik olacağını zannediyoruz. Nitekim, bugün bir kısım makaleler türkce, diger kısım ise rusca yazıldığı için rusca bilmiyenlerimiz rusca yazilan makaleleri okuyamadık ları gibi türce yazılan makaleleri de türkce bilmiyen münevverlerimiz okuyamamak tadır. Bittap her genç de bilmediği makaleyi tercüme ettiremez. Bu külfeti tahmil etmek te dogru değildir. Mahrum etmek ise hiç dogru değildir.

2— Resmî ve umumî olarak, birinci şıkta söylendiği vechile, bugün için türk ve rus lisanlarını kullanmak ile iş bitmez, bunların umumî ve resmî sahade istimali bir zaruret neticesidir. Ayni zamanda bugün bu lisanlardan istifade edecek yalnız münevverlerdır. Münevverler ayni zamanda muhitlerindeki bütün milletinin fertlerini uyandırmak, ahvalı anlatmak mecburiyetinde; halk kitlesinin de kendi hususî delilleri ile, irfan sahasında mütene'im olmasında zaruret vardır.

Bugün Kafkasyada rus harflerile karışık sadra şifa vermiyecek şekilde bir yazı mevcut olduğunu ve Arabistandaki kardeşlerimizin de hususî lisanlarını, harbi umumıden evvel İstanbulda icat edilen arap harflarından müstanseh harflarla yazı yazdıklarını biliyoruz.

Bunlar hep eyi, fakat asli gayaye tevcih edelmiyen hareketlerin mahsuludur.

Bizce, icat edilecek harf şekli, mutlaka beynelmilel mahiyeti haiz olan latın harflarından intihap ve ona uyğun bulunmalıdır.

Hususi harf şekli mes'elesi, neşir ve istizah ile alakadar olmamalı, bütün salahiyettar münevver gençlerin mümkün mertebe fikirlerini çar—çapuk topladıktan sonra münasip şeklini derhal intihap ve icat etmeli ve hemen mecmuanın sahifelerine geçmeğe başlamalıdır. Yalnız bu gibi fikrî hareketlerinde hususî lisan, yazı ve şeklinin tesbit ve tamiminde münevver genclerimiz, her halde hâkim milletlerin kanun ve hakimiyetini rencide etmemelidir.

Bu ciheti şöyle izahetmek istiyoruz:

Ş. Kafkasya öz vatanımızdır. O bizimdir. Kimsenin değildir. Rus çarlığı çegneyip yemek istemiş, fakat yutamamıştır. Fertlerin hürriyetlerini iade ederek beşeriyete refah bahşetmek ilh. gibi süslü prensiplere mâlik olduklarından bahisle ortaya atılan kızıl rusların hareketleri de bizce malumdur. Binaenaleyh Ş. Kafkasyadaki kardeşlerimizle vaki olacak temaslarda hudut, şekil yoktur, alenen mevzuu bahsetmek te dogru değildir. Onun nasıl mümkün olacağını her münevver genç bılir ve yapar.

Türkiyenin bugünkü dahilî vaz'iyeti çok naziktir. Dahilî rejimi dogrudan dagruya millîdir. Kanunlarına göre Türk tabiyetindeki her fert Türktür. Resmî lisani türkce olduguna göre türkceden başka hiç bir lisani Türk tabiiyetindeki hiç bir fert kullanamaz. Aksi takdirde intizami amme mevzuu bahsolur. Mevzuatına göre de çok haklıdır, Ancak hürriyeti kelâm, hürriyeti tefekkür mevcut olduğuna göre Türkiyede bulunan bir muhacir, Türk kanunları, hükümleri ile, intizami ammesini ihlâl etmemek ve hürmet etmek şartile, düşünür, söyler, o kadar. Bittap, Türkiye kendi menfaatını de nazari dikkate alarak eskiden beri muhabbet ve şefkatle sinesinde sakladığı zavalli muhacirlerine istediği şekilde fırsatlar verer, yardım eder. Bunlar bahsi diğerdir. Bugün Ş. Kafkasya münevver gençlerinin nazari dikkate alacaklari nokta, Türkiyedeki kardeşlerimizle vaki olacak temaslarda Türk mevzuat, mevcudiyet ve hakimiyetine hürmet ve riayet etmektir.

Arabistandaki kardeşlerimizin vaz'iyetine gelince, buralarda henuz millî bir cereyan mevcut olmayıp müstemlike halinde bulunduguna göre, bittap her millet serbest kalacaktır. Ve oradakı Ş. Kafkasyalılar da serbesttirler. Hususî lisanlarını yazarlar, kiyafetlerini muhafaza, milliyetlerini himaye ede bilirler. Nitekim öyledir de...

Yalnız Arabistanda bulunan Ş. Kafkasyalılar da bugün oralarda müsafiren bulunduklarını takdır ederek asıl memleket sahibi bulunan araplara karşı hürmetli hareket etmelidirler. Binaenaleyh Arabistandaki Ş. Kafkasyalılara son ve kat'î olarak tesbit edilecek hususî yazı, kolaylıkla neşir ve tamim edile bilir.

Hulâsa: bu dakikadan itibaren, istiklâl ve istihlas namına yapılacak en birinci ve zarurî iş, Kafkasya daglılarının hususî lisanları için yazı icadı ve bu lisanları, lisaniyat ilminin istilzam ettiği şekilde mümkün mertebe tevhit ve hemen islahıdır.

3— Kafkasya Dağlılarını yarınki müşterek ve resmî lisanlarının ne olacağını bugünden itibaren az bir zamen zarfında tesbit etmektir. Bunun halli için „Şimalî Kafkasyalıların esareti" makalesini yazan muhterem kardeşımizin fikrini müsip görüyoruz.

Binaenaleyh:

A— Resmî lisan olarak türkce veya rusçayı mı kabul etmeli?

B – Hususî lisanlarından birini mi intihap etmeli?

C— Yoksa şimdilik türkce ve ruscadan istifadeye devam ve hususî lisanları da yazı ve mahalli neşiyat sahalerinde islah ve istimal edilirken bir taraftanda mürürü zamanla bu hususiyetleri ref ve baynelmilelleşecek kudretini haiz esper antodan istiane ederek bir lisanmı yaratmalıdır?

Bu cihetin de, çok uzun sürmemek şartile münakaşa edilip bütün gençlerin fikir-

lerini öğrendikten sonra husulu mümkün, netice itibarile çok müfit bir karar vermeli ve icraya başlamalıdır.

Resmî lisanın ne suretle intihap ve kabul edilmesi lâzım geleceği hakkında Kafkasya dağlılarının münevver gençlerinin fikirlerini öğrenmek isteriz.

Mirzem-Kue Iz-Eddine

Dağıstanlı Mehmet Fadil Paşa

Dağıstanlı Mehmet Fadil Paşa. — Даудиляу Магомет-Паша, известный в Турции и среди старой эмиграции под именем Магомета Фадиль Паши.*)

Birinci Ferik Dağıstanlı Mehmet Fadil Paşa, „Kütül-Amare" önünde şehit oldu. Herkesin tanıdığı, herkesin sevdiği ve hürmet ettiği bir adamdı... Mezkûr Paşa hayati mücahedeye akrabasından Büyük Şeyh Şamilin maiyetinde dahil olurken henuz yedi yaşında idi.

Bir ğayzu bi aman ile Kafkasyaya elli sene mütevaliyen yağan moskof güllelerinin son daneleri, bu necip kafkasyalılının beşiği etrafında düşmüş idi.

Son vatani müttehizi olan İrakın kalbiğahine atılan ingiliz mermileri de gögsü ve tabutu üstünde patlamış idi. Rusya çarının husumet dolu saraylarındaki altın tekmeli, sırma kordonlu hizmetleri, osmanlı ordusunun vedî ve mütevazî zabitliğile, iftihar ederek, mübadele ettikten sonra, bu devletin haricî, dahilî bir çok vak'aleri karşısında gögsünü tam kırk sene kurşunlara açarak dolaşmış bir can, din ve vatan fedaisi idi. Yedi yaşında aramağa başladığı şehadeti nihayet yetmiş yaşında ve en şerefli bir sahnei mücadelede buldu. Ef'al ve ahlakının mahiyetine vakif olanlar, bu asıl Dağıstanlıyı, mertliğin, kahramanlığın, canlı bir nümunesi suretinde gösterirler ve methederlerdi.

Bağdat'tan Kafkasya cephesine giderken Musuldan geçmiş ve bir kaç gün kalmıştır. Uzun boyundan, geniş gögsünden, iri çehresinden, ak ve seyrek sakalından münteşir heybetler arasında, daima müşfik bakan gözleri, o metin ve muhip cisim içinde hassas ve ince bir ruhun gizlendiğini ha-

---

*) Даудиляу Магомет-Паша был уроженцем аула Чох в Аварии и сыном одного из ближайших сподвижников Имама Шамиля. После прекращения борьбы Шамилем, он мальчиком попал в Россию, где затем служил офицером при царском конвое. Незадолго перед турецко-русской войной 1877—78 г.г., бросил службу и эмигрировал в Турцию. В Турции вновь вступил на военную службу, участвовал в войне 1877—78 гг. и дослужился в дальнейшем до высокой должности губернатора Багдада. Скончался Магомет Фадиль-Паша во время великой войны. Всю свою долгую жизнь в Турции он всячески помогал своим землякам — представителям нашей эмиграции, находившимся в нужде. Благодаря своей сердечности и крайней простоте в обращении, он пользовался всеобщей любовью и уважением. Память его и сейчас чтится старой эмиграцией, и все знающие его вспоминают о нем с благодарностью и любовью. Об этом свидетельствует и статья г. Мирзем-ико Изеддина—старого эмигранта, который счел нужным почтить память покойного на страницах нашего журнала.

ber verirdi. Büyük ve yekpare bir mermer heykel üstüne konmuş bir arslan başı tasavvur ediniz:

İşte Mehmet Fadil Paşanın dururken aldığı haricî şekli.

Dağlarına rusların elli sene âteş ve ölüm yagdırdığı Kafkasyanın yat,, hicranlı yollarında M. F. Paşanın gözleri altımış sene yaşlar akıttı. Pek az insan kalbi vardır, ki bir teessürü necibi kudret ve şiddeti ulviyesile bu kadar uzun müddet muhafaza ede bilmiş olsun!.. O daima Kafkasyadan bahsedilmesini severdi ve müteselli olurdu. Adige ihtiyarlarının söyleddiklerine göre M. F. dermiş, ki:

— Biz Rusyada iken, bir gün Şeyh Şamil, evlat ve akrabasını nezdine davet ederek, Kafkasyayı ruslardan istirdat için her fırsattan istifade etmeği, son ferdimiz kalıncaya kadar hepimizin çalışmamızı bize tavsiye etmiştir...

M. F. Rusya mekteplerinde tahsil görmüş ve çarın silahşorlarından iken Osmanlı hükûmetine iltica eylemiş ve uhtesine topçu sol kol agalığı tevcihile Anadolu harp ordusuna tayin edilmiştir. 1875 de mirlivalığa kadar terfi etmiştır; maiyeti seniyede yaver iken, 1882 senesinde Bağdat ordusu suvarî alaylarına mirliva olarak gönderilmişti. 1883 de Bağdat suvarî liva kumandanlığına tayin olunmuştur. 1904 de Bağdat altıncı suvarî fırkasına tayin olunmuş ve müteakiben Musul havalisinde kuvveti mütehaşşide kumandanlığında gösterdiği fedakârlıklarına binaen birinci ferik rütbesine terfi edilmiştır. 1907 de Bağdada avdetle altıncı ordu müşiriyeti vekâletine ve 1908 de Musul valiliği ve havalisi kumandanlığına tayin olunmuş idi. 1909 de, talebi üzerine takaut edilmiştir.

1914 de Kafkasya harp cephesinde suvarî üçüncü ordu kumandanlığına; ve altı ay sonra da Bagdat cephesi aşair kumandanlığile Kütül-Amarede, Sayıs Tepe muharebesinde şehit düşmüştür. Harp cephesinde beraber bulunmuş zatın ifadesile büyük harp esnasında neşredilen Harp mecmuasına şan ve hürmetle dercedilmiş bir kıt'ası elde edilerek naklen yazılmıştır.

Canbek Havjoko

Garbî Adıgey kahramanları

Kafkasya dağlılarının asırlar süren emsalsız istiklâl mücadelesi ortaya bir çok efsanevî kahramanlar çıkarmıştır. Bu millî kahramanların şöhreti dünyanın her tarafına yayılmış ve tarihte şanlı izler bırakmıştır. Bu günkü mücadil dağlı nesli dahi işte bu kahramanların vaktile yürümüş olduğu yoldan yürümekte ve millî terbiye esaslarını onlardan almaktadır.

Bu kahramanlardan en fazla ileri gelenleri şunlardı: Şeyh Mansur, İmam Gazi Muhammet, İmam Şamil, Muhammet Emin, Misost-İko Ruslanbek ve Hacı Murat.

İşte, ruslara karşı on yıllarca yapılan millî savaşı idare ederek istiklâl mücadelesi tarihinin en güzel ve değerli sahifelerini yaratan şahsiyetler!...

Garbî Kafkasya-Çerkesistan yahut diğer tabirle Garbî Adiğey'deki savaşı idare eden kardeşlerimizin isimleri bizce çok az tanınmıştır.

Buralardaki harp te diğer yerlerde olduğu gibi şiddetle devam etmiş, harbin siyasî hedefi Şarkî ve Merkezî Kafkasyada olduğu kadar buralarda da sarahatla anlaşılmıştır. Çerkes dahi tıpkı dagıstanlı, çeçen, kabardin ve diğerleri gibi Şimalî Kafkasyanın istiklâli ve birliği yolunda savaşmıştır. Hürriyet uğrunda ölmek, Vatanının şerefini kurtarmak için canını feda etmek büyük bir şeref ve mükâfat sayılıyor bu suretle ölmekten korkan adam çerkes ismini taşımağa lâyık görülmüyordu. Harp kahramanları muhtelif halk şiir ve şarkılarında yer buluyor ve cesur ve kahramanca ölenlerin hatırası sonra gelen nesiller tarafından yat ediliyor ve hürmet görüyordu. Rusların gelişine kadar çerkesler arasında ihtilâf, geçimsizlik ve harp namına katiyen bir şey yoktu. Yalnız çalışmaktan ibaret olan hayatları temiz bir sükûnet ve pederşahi bir sadelik içerisinde geçiyordu.

Harp, 18 ci asrın ikinci yarısında patladı ve ilk sıralarda cenuba hareket eden rus ordusu ile müsademe şeklinde vuku buldu. 19 ci asrın başlangıcında ise harp artık muntazam bir hale girmeğe başladı. 1829 de yapılan ve Türkiye'nin hiç bir hakka malik olmadan Çerkesistanı Rusyaya „pişkeş" çekmesini mutazammın Edirne muahedesi harbin daha fazla şiddet bulmasına sebep teşkil etmişti. Bu muahedeye dayanan Rusya, Garbî Adigeyi işgal altına almak arzusunu göstererek sistematik bir tarzda

askerî harekâta başlamıştı. Rusların işgal hareketi tabiatile çerkeslerde bir aksülamel vücude getiriyor ve bu aksülamel Şimalî Kafkasya'nın şark hudutlarında ayni neviden olmak üzre yapılan İmam-Gazi-Muhammed'in hareketile ayni zamana tesadüf ediyor.

Çerkes mukavemetini teşkil ve idare eden zat, Muhammet Giray'ın oğlu maruf kınyaz Zan-iko Sefer idi. Bu adam o zamanlar çerkes hareketinin başında duruyordu. Memleketin paytahti Zan-iko kınyazlarının doğma yurdu — Anapa idi. Bu şehir ayni zamanda bir ticaret merkezi idi ve burada o zamanın bütün tüccar devletlerine ait muhtelif gemilere ve tüccarlara rastlamak kabilidi. 12 birleşmiş vilayetin birlik ve kardeşlıginin timsali olan millî çerkes bayrağı Anap üzerinde dalgalanıyordu. Çerkesler bayrağa „Sancağı şerif" namını vermişlerdi. Bayrak yeşil ipekten yapılmıştı, ipek üzerinde üç ok üzerine konulmuş 12 yıldız vardı. Üç ok en eski ve hizmeti dokunmuş kınyaz ailelerinden Zan-iko, Aytek-iko ve Bolotoko ailelerini; 12 yıldız da birleşmiş Natuhay, Şapsuk, Abadzeh, Abhaz, Ubıh, Bjeduh, Temirgoy, Hatukoy, Mahoş, Besni, Braki ve Karaçay vilayetlerini ifade ediyordu.

Her vilâyet, umumî içtimada intihap olunmuş delekelerini Sefer nezdine gönderiyor ve bu delekeler meyanından askerî reisler, sefirler ve hâkimler intihap olunuyordu. 19-ci asrın ilk yarısında adliye işlerini herkesce sevilen abazi askerî reisi Hacı iko Muhammet idare ediyordu. Haci-iko Muhammet ayni zamanda Sefer'in birinci muavini idi.

Alelumum askerî harekâtı idare ve ruslara karşı mukavemeti teşkil için delekeler kendi aralarından umumî bir reis ihtihap ederek dahilî işlerde, reise geniş salahiyet veriliyordu. Haricî iş ve diplomatik münasebat Sefer'in elinde bulunuyordu. Sefer'in haricî siyasetine ait mühim mes'elelerden biri haricî devletlerden eslehe yardımı almasıdır. Sefer, müteaddit defalar Türkiye ve İngiltereden eslehe yardımı almağa muraffak olmuştur. Sefer, Anapta daima 1000 kişilık bir arkerî kıta ve bir kaç küçük top bulunduruyordu.

Delekelerin umumî toplantısında başkomandandan başka, her vilayet için askerî reisler dahi intihap ediliyordu. Askerî reislerin yanında bermutat 100 atli bulunuyordu, harp vukuunda bu mıktar, başkomandanın talebi üzerine bir kaç misli artırılıyordu. Fakat yanında bir kaç yüz hatta bin atlı bulunduran askerî reisler de yok değildi. Mesela rusları mağlup etmak şerefini kazanmış olan ve Çerkesistanda hürmetle anılan kınyaz Aşaguago — iko Pşiguy'un yanında daima 6000 atlı bulunuyordu. Bu mıktar harp esnasında 12000' i buluyordu. Maruf reislerden Haci Huz-Bek'in daimî olarak 700 askeri vardı.

Ruslara karşı yapılan askerî harekâtı idare hususunda 19-ci asır ilk yarısında en fazla ileri gelen çerkes reisleri şunlardı: kınyaz Aşaguago-iko Pşiguy, Hacı Huz-Bek, Sultan Kurhum Giray, Hacı iko Muhammet, Dzadzu-iko Ali, Dzadzu-iko Nevruz, kınyaz Besti-iko Pşemah, Hatuko-iko Selman, Kalabat-iko Hatuko, Şorat-iko Hamız, Giranduko Haci Berzek, Hacı Dokum Berzek, İnaliko Aslan Girey, İndar-iko Noğay, Uardazau-iko Zepş.

Bunlardan en marufu bilhassa Aşaguago-iko Pşiguy idi. Pşiguy en maruf ve ileri gelen çerkes askerî reislerinden sayılıyordu. O, daima kendi askerlerile beraber Yekaterinodar yakınlığında bulunarak rusların Çerkesistan içerlerine sokulmalarına imkân vermiyordu. Buralarda ceneral Velyaminov'u bir kaç defa mağlup etmiştir.

Kurultay'da Pşiguy her kesin nazarı dikkatını celpediyordu. Zira o, askerî istidattan başka güzel söz söylemek istidadını dahi göstermişti.

Kurultaya iştirak edenler onu dinlerken: „O milleti idare için yaratılmıştır" demekten kendilerini alamıyorlardı. Bu emsalsız kahraman nihayet 1838 in Mayısında, sonderece mücehhez ve kuvvetli bir rus kıtasile savaş esasında şehit düşüyor. Ölümünden sonra halk, ona şu şiiri ithaf etmişti*):

„O daha çocuk iken savaşının şöhreti, dağlarda bir aksi seda gibi çınlıyordu. O kendi doğma aulunda değil, savaşta, cesaret ve kahramanlığını gösterdiği savaşta öldu. O sarı saçlı rus reisinin musikisini dinledi ve kılıcını musikinin ahengi altında sallıyarak düşmanın içerisine sokuldu Ailenin en son çocuğu olduğu için emlâki yabancıların eline geçti. Hemşiresinin saçları

---

*) Şiirin İngilizce tercümesi St. Bell'in kitabında (J. S. Bell, „Residence in Circassia during the years 1837—38, London 1840) mevcuttur. Ayni şiirin Almanca güzel bir tercümesi de alman edebiyatında mevcut olup şair ve seyyah Fr. Bodenştet'in kitabına alınmıştır. (Fr. Bodenstedt. „Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen", Berlin 1855).

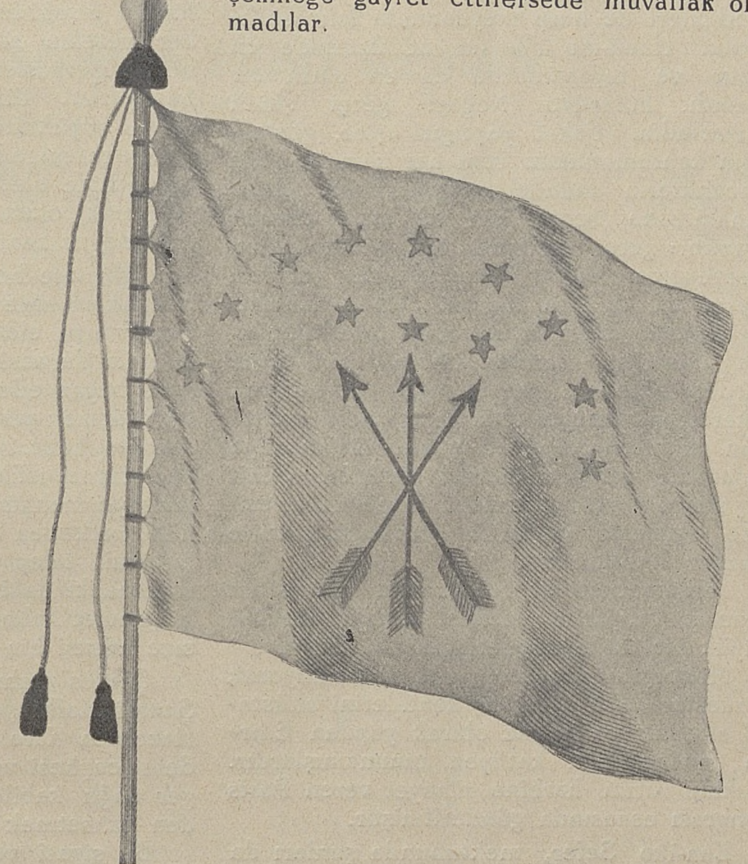
siyah ipek gibi kara idi. O, bu güzel saçları dertli ve yaslı oldugu için kopardı. Zira evin büyüğü, şehit düşmüştü.

Düşman içerisine sokulurken doğru sarı saçlı reise saldırldı, ceneral sağ kaldı, fakat Pşiguy onun atını alup götürdü. Sabahleyin evden çıktı, akşam ise onu ölüm elbisesinde geri getirdiler. Annesi seslendi: „Büyük Tanrıya çok sükürki, dağların şeref ve hürriyetini kurtarmak yolunda şehit oldu". Savaş esnasında altındaki atı bir kaç defa değişmişsede, asil kalbini hiç bir zaman değişmemiş ve o asıl kalbile ölmüştü. Aulunun kadınları kahramanın ölüm haberini duyunca üzerlerindeki elbiseleri yırtarak bağırıyolardı: „Halâskârımızı kayp ettik. Onun kılıcı bizi tazyik ve esaretten kurtarıyordu".

O, öldu, fakat cesedi düşman eline geçmedi. O, öldürücü silahını doldururken silahından çıkan ateşler ve bu ateşlerden birer birer yere serilen düşman askerlerinin manzarası Moskoflulara dehşet veriyordu. O, savaş meydanında tıpkı bir güneş gibi parlıyordu. Pşigu'nun kolları kanla boyandığı zamanlarda atı bir şahin gibi harp meydanında uçuyordu. Onun son sözu şu oldu: „Sadık atımı alın ve sahibimin kızına götürün: atı görünce, kız karşısında kendi Pşigu'yusunu gördüğünü zanedecektir. Millet onun için hazin göz yaşları döktü, hemşiresi ise kanlı göz yaşları akıttı. O, bir kahraman gibi öldü. Adı daima milletce hatırlanacak ve o her zaman millet içerisinde canlı olarak yaşıyacaktır".

Garbî Adığey harbinin diger bir maruf kahramanı da „Çerkesistan arslanı" namile meşhur Hacı Huz-Bek idi. Hacı Huz Bek ileri gelen süvari reislerinden olup, kendi süvarilerile düşmanın ardına geçerek çok mühim askerî kabiliyet ve meharet göstermiş bir reisidi. Göstermiş olduğu büyük cesaret, Hacı Murat'ın dağıstan — çeçen cephesinde gösterdıği cesaretten hiçte aşağı değildi. Fakat en büyük şöhret ve şerefi, Abun altında (1834) 700 atlı ile rusların 12000 askerini perişan bir hale soktuğu zaman kazanmıştı. „Çerkesistan arslanı" o sıralarda 60 yaşlarında bulunuyordu.

Berzekler ailesi dahi maruf idi. Bu aileden en fazla ileri gelenler Hiranduko Hacı ve İndar Hacı idi. İndar Hacı 1840 de Mısıra Mehmet Ali'ye gönderilen sefaret heyetine de iştirak etmiş bulunuyordu. Ruslar Hiranduko Hacı'nın tesir ve nüfuzunu nazara alarak, onu kendi taraflarına çekmeğe gayret ettilersede muvaffak olamadılar.

Geçen asrın 20 nci yıllarında millî çerkes bayrağı (yeşil renkte).
Черкесский национальный флаг в 30-тых годах прошлого столетия (цвет полотнища зеленый).

Mahdut bir şöhret kazanmış kahramanların bile halk tarafından unutulmadığını göstermek için, yukarıda ismi geçen Abun müsademesi üzerine söylenen şiirden şu parçayi alıyoruz:

„...Onlar (yani ruslar) nehiri kendi kanlarile boyıyaraktan Labu'yu geçtiler ve

sonra Abun'da küçük bir tahkimat yaptılar. Sarı saçlı ceneral geldi. O ne istiyor? adigeyler „Büyük savaş." diye seslendiler. Ey Gazi-iko Pşemaho! sende bir arslan yüreği vardı. Fakat, ne yazık ki ülkenin hürriyeti uğrunda erkekce öldün. Cennetin kapuları yüzüne daha geniş bir surette açılacaktır. Çok cesur. Tehik-iko Devlet Mirza, Yurdunun sadık bir evlâdı gibi harp meydanında öldü. Hasef-iko Sabeş'in elbisesi kandan, kırmızı bir renge boyanmıştı ve moskoflar için bir zehir olmuştu. Şapsuk ve natuhay erleri kılıcla meydana atılarak şerefle öldüler.

Canbulat geceleri nöbette duruyor, gündüzleri de harp meydanında kılıç sallıyordu. Haud-iko Mansur at üzerinde en cesur ve toplantılarda da en akıllı bir adamdı. İndar-iko Noğay! gerçi şimdi ihtiyarladın. Fakat yaptıgın işler, gösterdiğin kahramanlıklar seni her zaman genç mücahitlerin önünde bulunduruyor. Kuşt. Teham iko senin için de şunu demek lazımdır: gerçi sen de ihtiyarladın ama harpte gösterdiğin kahramanlıkla vazifeni yaptın ve takdire mazhar oldun. Kalabat-iko Hatuko, hatta kendi atını bile almıyarak düşman üzerine kılıcla yürüyordu. Kardeşi Kuşmat, atının gögsü ile düşman askerlerini kovalıyordum. Adıgeylerin kahraman gençleri! Haydı düşmanla müsademeye koşunuz, gençler harbı severler. Şehit düşmüş olursanız, cennetin kapuları üzerinize açılacak; muzaffar olursanız takdire mazhar olacaksınız".

Zan-iko Sefer'ın, rus ordusu komandanı ceneral Filipsona yazmış olduğu mektup büyük bir tarihî kıymeti haiz bulunuyor.

Mektupta pek sarih olarak deniliyorki; cerkesler 1864 e kadar kendilerini müstakil adetmiş ve haksız olarak yapılan Edirne muahedesini kat'iyen tanımamışlardır. Mektup Kırım harbine nihayet veren Paris kongrası esnasında gönderilmiştir.

Zan-iko Sefer, mektubunda şunları da kaydetmişti.

„Gerek hicri 1269 dan 1272 senesine (Miladî 1853—1856) kadar itilâf devletlerile Rusya arasında uç sene devam eden harp müddetince ve gerekse umumî sulh akdı esnasında ülkemiz, yani çerkes milleti size ve itilaf devletlerine belli olduğu vecihle daima Türkiye ile beraber bulunmuştur. Şu da her kesin malumudurki Ruslarla 28 sene harp etmesine rağmen, milletimiz mağlup olmuş değildir.

Memleketimizin itilâf devletleri tarafından ne vaz'iyette bırakıldığını bilmediğimiz için Turkiye hükûmeti nezdine sureti mahsusada bir ilçi gondermiyoruz. Fakat İngiltere ve Fransa hükûmetini, bizim ayrı bir millet sıfatile Türkiye ile daima müttefik olduğumuz ve Paris kongrasının milletimiz hakkında vereceği cevaba intizaren kendi işlerimizle meşgul olduğumuz bildirilmiştır.

Hakikî hudut daha taayyün etmeden, bizim taraflara dogru hareketinizden maksat nedir?

Fakat biz kongradan cevap alıncaya kadar ateş açmak (yani askerî harekâta geçmek.— C. H.) niyetinde değiliz. Lakin siz harp arzusunu göstererek ekinlerimizin imhasına teşebbüs edecek olursanız, şunu haber verelim ki Karaçay'dan Anapa kadar bütün Çerkesler hepsi ayni fikir ve hissi besliyorlar. Bizimle harp edecek olursanız, Tauri büyüktür! Şimdiye kadar hiç kimse memleketimize hâkim olamamıştır, şimdi de biz, eskide olduğu gibi Türkiye ile beraber (müttefik) olacağız. Soruyoruz: ne maksatla bize doğru hareket ettiniz?...

...Bizimle her hangi bir müzakerede bulunmak niyetile gelmişsinizse, o zaman, topraklarımıza elde silah olarak girmek değil, hudutta duracak ve bizimle görüşmek arzusunu beyan edecektiniz. Yok, bu değil de harp açmak arzusunda iseniz, iyice bilinizki, şimdiye kadar hiç bir devlet, silah gücile dağlarımızı istilâ edememiş ve biz de hiç kimseye mahkûm olmamışızdır. Biz bütün hükûmetlerden bizi ayrı bir devlet gibi adetmelerini talep ediyoruz. Rusyanın, dağlarımızhakkındaki niyeti nedir? Arzumuz, ayrı bir devlet halinde kalmaktır ve bu maksatla size hususî bir ilçi göndermişizdir".

Çerkes kahramanlarından bahsederken, Şimalî Kafkasyanın birliği için çalışan ve Hazerden Kara denize kadar tek bir mücadele cephesi vücude getirmek isteyen, diger dağlı kabilelerine mensup şahsiyetlerden bahsetmek elzemdir.

Bu siyasî ve askerî idealın tahakkukuna ancak 18 ci asrın sonlarına doğru Şeyh Mansur muvaffak olmuştur. 1799 da Çerkesistanda nufuz sahibi kabarda kınyazlarından Adil-Girey Atajuko harekete geçmişti. Ayni yerde 1806 de de yardımcı bir kıta ile genç kabarda kınyazlarından Misastiko Roslenbek çıkıyor. Nihayet Şamil'in imamlığı sıralarında Garbî Adığey'de İmam'ın naiplerinden ve bilahere çerkeslerce çok tanınmış Muhammet Emin harakete geçiyor. Muhammet Emin müsellah mücadelenin sonuna kadar Çerkesistanda kalmış ve

nihayet diğer bir çok çerkeslerle beraber Türkiyeye hicret etmiştir. Şunu da kaydedelimki kendisi daima muhacerete çıkmak aleyhinde bulunmuş ve Rus hükûmetinin tazyıkına katlanarak vatanı terk etmemek fikrini çerkesler arasında tervice çalışmıştır. Zira yeni bir mücadeleye atılmak nıyetini beslemiş ve muhaceretin nihayet Şimalî Kafkasya millî cephesini zayif düşüreceğine kanaat getirmişti. Rus hükûmetinin muhaceret hususundaki tahriki ve ekseriyetle silah gücile bu işi tatbike çalışdığı Muhammet Emin için gizli değildi.

Kendisinden „K. D." nın 46 ci nushasında ayrı bir mekalede bahsettiğimiz Davit Urkhart'ı dahi çerkes kahramanları sırasına ithal etmek lazımdır. Bu İngiliz diplomatı ve maruf siyaset adamı çerkeslere dolayisile bütün dağlılara karşı derin ve hususî bir sempati beslemiştır. Bütün serveti, muharrirlik istidadı ve o zamanki Avrupanın siyasî mehafil ve, şahsiyetlerile yaptıgı temaslarla çerkeslere büyük bir yardımda bulunmuştur. O, çerkeslerin ve alelumum Şimalî Kafkasya'nın çok çalışkan ve sadık bir dostu idi. Hatırası, Şımalî Kafkasya'da diğer millî kahramanlar gibi daima hürmetle anılmalıdır.

Kâzim Gazi

„Karanlıkta silah sesleri"

(Hikâye)

Onu, bir bahar sabahi, güneş, rengârenk boyalarile Kafkasların yeşil eteklerini parlatırken tanıdım. Altında kır bir at olduğu halde bize doğru ilerledi. Atından atlayışında bile bir harika seziliyordu. Gür adımlarla yanımıza geldi. Arkadaşım onu — „Demirpolat" — diye takdim etti. Elimi hararetle sıktı. Beyaz kalpagının altında oynayan iri siyah gözleri, konuşuşundaki tatli tebessümü, geniş omuzları ve ince belile tam bir kafkasyalıyı temsil ediyordu. Görüşürken bile kendine şahane bir vaz'iyet veriyordu. Uzun — uzun görüştük. Ülkümüz birdi. Kalplarımız ayni heyecanla çarpıyordu... Üçümüz de atlarımıza atladık. Semasında, pek yakında kavuşacağı hürriyet dalgalari dolaşan Kafkasların eteklerini bir hamlede aştık... „Iilğe" köyüne doğru gidiyoruz. Yolda bir çok atlı yolçulara rastlıyoruz. Bu yolçular, ki oynak atlarının üzerinde vakur duruşlarile istiklâle layık bir milletin fertleri olduklarını bildiriyorlar... Yolçu, merak etme.. Yakında, pek yakında istiklâlini kazanacaksın. Hiç hakkı olmadığı halde saf vatanımıza kirli ellerini uzatanlar bir gün ellerini kesilmiş görecekler. Hiç unutma, ki kan ter içinde kazandığın bir parça ekmeğe ortak çıkan yabancılar, boğazlarına ekmek yerine zehir döküldügünü göreceklerdir.

Sen, ki yüz yıllardan beri yurdunda hür ve mes'ut yaşamış, bir avuc milletinle yıllarla istiklâlini korumuşsun. Atına atlayıp ta dağlara çıktığını ve orada silahinle akisler bıraktığın çağları unutma. Sen yine o milletsin. Senin hak için çarpışan bileğini Rusyanın kalın zencirleri eğletemez. İmanla dolu gögsünü kızıl ordunun ölüm saçan gülleleri delemiyecek. Sen öyle bir neslin bakiyesisin, ki: dünya yaratıldığından beri kimseye boyun eğmemiştir.

İşte, daha dün, senin Türk kardeşin 14 milyon insanla, mahrumiyetler içerisinde, bütün dünya ile savaşmadı mı? Evinden çarıkla çıkan Mehmetcige Çanak-Kale ve Anafartalar dar gelmedimi? Sakarya, onun düşmandan akıttığı kanlarla taşmadı mı?...

* * *

Yolumuza devam ediyoruz. Gün bir kaç ok boyu kalkdı. Sabahtan beri üç dağlı köyü geçtik.

Atlarımız yoruldu... Sık — sık nefes alıyorlar.

Yolumuz ormanlığa daldı.

Şimdi yolu atların yardımile buluyoruz. Göz gözü görmiyor.

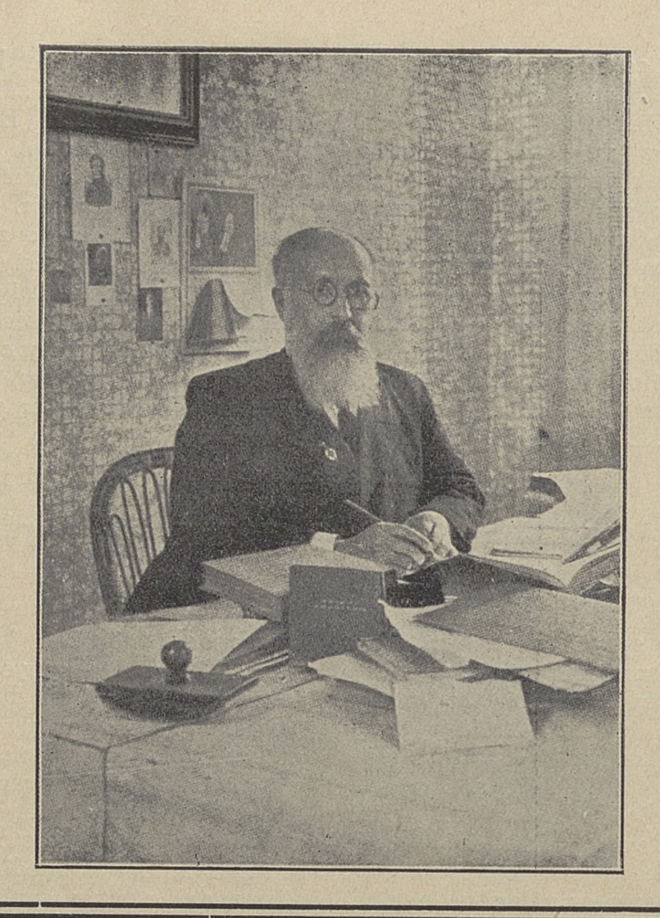
Gecenin sessizliğini kurtların acı — acı ulamaları bozuyor Yeni dostum yanıma yaklaştı. Yavaş bir sesle:

Eşittin mi?

Dedi.

Hiç bir şey eşitmemiştim. Fakat hayret te etmedim. Atını daha fazla yaklaştırdı. Durmamızı söyledi. Üçümüz de atlarımızdan atladık. Mavzerlerimizi ellerimize aldık. Mes'elenin aslına Vukufu olmayan ben ve arkadaşım büyük bir sabirsızlıkla onu dinliyorduk. Demirpolat, boğuk bir sesin geldiğini, sesi müteakip karşıda bir ışığın yanıp söndügünü söyledi. Üçümüz de o tarafa başlarımızı çevirdik. Ayni hareketin tekrarını bekliyorduk. Etrafıma bakındım. Agaç kütüklerinden başka pusuluk yer yoktu. Ya

Vaktile uzun yıllar boyunca Terek-Kale'nin belediye reisi olmuş, Şimalî Kafkasyada maruf edip, âlim ve camaat hadımı prof. Gappo Bayattı. Hali hazırda Berlin üniversitesinde Osetinoloji kürsüsünü işğal etmekte olan prof. Bayattı, verilen malumata göre, bu kürsüyü Kafkasyaloji kürsüsüne çevirmeğe sayetmektedir.

Профессор Гаппо Баятты—известный на Северном Кавказе публицист, научный и общественный деятель, бывший долголетний городской голова гор. Терк-Кала.

В настоящее время проф. Баятты занимает кафедру осетиноведения при Берлинском университете и, как нам сообщают, прилагает старания, чтобы эту кафедру развернуть в кафедру кавказоведения.

gelir bizi ansızın basarlarsa?... Atlar fasılalarla kişnemeye başladı.

Artık sesler birbirini takip ediyordu. Ayni noktadan acı bir vaveylâ eşidildi. Sesin nereden geldiğini tayin ettiğimiz gibi sahibini de tanıdık. Bu, köyün en ihtiyarı ve sözü en çok ğeçen Z i p a idi. İhtimal, bermutat, başka bir köyden kendi köyü olan „Iilge" ye dönerken yolunu kesmişler. Ona işğence ettiriyorlar. Fakat, aceba neden? Çünkü Zipa ne paralı, ne de emlak sahibidir.

Bizim bildiğimiz bir şey varsa o da onun hürriyet aşıkı olmasıdır.

* * *

Atları arkadaşa bıraktık. Palavreyi öğrettik. Ve ormanın içinde ayaklarımız öteye — beriye çarparak ileriledik. Bir birimizi zor seçe biliyorduk. Ara — sıra duruyor, sesi dinliyoruz. Nasıl olur bu ihtiyara işgence ediyorlar. Ah, soyğunçudan farkı olmayan bolşevikler!...

Hiç düşünmiyormusunuz, ki onun kanını temizliyecek gençler çoktur?

Sesler çok yakından gelmeğe başladı.

Artık söylenilenleri eşidiyorduk. Bir kaç kişi, bozuk bir Şimalî Kafkasya şivesile ihtiyara şunları söyliyorlardı:

— Ya Şimalî Kafkasya gençlerini hükûmete karşı yaptıkları isyanlardan vaz geçtireceksin, veyahut ta seni öldürürüz.

İhtiyarın sesi hiç çıkmıyordu. O her halde ölüme razı olmuştu. Demek ihtiyarın hayatı tehlikede idi. Artık ölümden bile korkmıyorduk. Olduğumuz yere çöktük. Çürük kütüğü siper ettik. Ve seslendik:

— Kendinizi koruyunuz!

* * *

Karanlıkta silah sesleri gelmeğe başladı. Biz atıyoruz, onlar atıyor. Bir çok feryatlar içinde iki feryadı tanır gibi oldum... Artık silah sesleri durmuş, ayak sesleri ve feryatlar kesilmişti. Tan yeri agarırken yerimden dogruldum. Arkadaşım yerinde yoktu. Hava kan kokuyordu. Etrafımda bir çok ölüler vardı. İşte o, o arslan ihtiyarın sagında cansız yatıyor... Bir ugursuz kurşun ikisini de cansız bıraktı. İhtiyarın beyaz sakalı kanla boyanmıştı... O da cansızdı.

Şimdi havada hürriyet kokusu daha fazla dalgalanıyordu.

M. Korkut

Benmi ne istiyorum!?

— Kafkasya Dağlılarına —

Ben, bir hissin zevkile mest olmak,
Bu zevkin özüyle dolmak
İstiyorum...
Ben, Kafkasya Dağlısının,
Hüzünle inliyen kırık kavalının
Nağmesi olmak istiyorum.
Ben bütün varımla,
Ruhum ve canımla
Beraber, Kafkasya dilinin sesi olmak istiyorum.
Ben, ufukta batan gün gibi, düşmanı Hazerde boğmak istiyorum;
Kafkastan koğmak istiyorum!
Ben, Volğa göbeğine bir hançer gibi batmak istiyorum,
Artan kinime bin kin daha katmak istiyorum.
Ben, benmi ne istiyorum!?
Ben, bütün kuvvetimle,
Bütün kudret ve dehşetimle
Volğa üzerinde, bir volkan gibi patlamak istiyorum;
Sakaryadan Volğaya atılmak istiyorum!...
Sonra, Kafkas Dağlarının sinesi üstünde,
Süne! süne!...
Yatmak istiyorum!!...
Zevkini tadını, o zaman tatmak istiyorum.
Ben, Kafkasyalılarla akmak değil,
Beraber, cağlamak istiyorum...
Ben, ağlamak değil,
Kalbimi onlara bağlamak istiyorum.
Yalnız ve yalnız bir şey istiyorum:
Ölürsem onlarla ölmek!
Gömülürsem onlarla gömülmek...
İstiyorum !...
Gülersem, yalnız onlarla gülmek istiyorum.
Eğer onlardan ayrılırsam,
Sözümden cayarsam;
Güneşin beni yakmasını istiyorum...
Gözlerimin toprağa akmasını istiyorum! ..
Dönersem, bir şey istiyorum;
Yalnız,
Evet yalnız,
Bir şey istiyorum:
İssız !
Yıldızsız!...
Ve mehtapsız
Bir gece!...
El, ayak kesilince...
Tenha bir köşede,
Onların eliyle,
Yokolmak istiyorum!!.
Ben, o zaman kalbime batan zehirli bir ok olmak istiyorum.
Onlar, beni mahkûm etmezlerse,
Ben, elem kadehine,
Kalbimi, gemire gemire
Başalıp, dolmak istiyorum!...
Gencken ağaran saçlarımı yolmak istiyorum.
Ben, beni yalnız kafkas dilinin mahkûn etmesini istiyorum...
Bağrımı, yalnız kafkas elinin deşmesini istiyorum...
Ben, onlara ram olmak istiyorum,
Onlariçin var olmak istiyorum!!!

* * *

Ey Kafkas Dağlıları! ben size ramım;
Sizlere bağlıdır, canı cananim!...

Полковник ген. шт. Хурш

Военная операция в Дагестане в 1843 году

(Окончание)*)

К 22 октября концентрация наших сил была закончена и представлялась в следующем виде:

1 — В районе Дылим — Акташ Аул, под личным руководством Имама и при ближайших помощниках его — Шуаиб Мулле и Шахмардан Хаджи, сосредоточились: 1500 чел. регул. кавалерии, 250 чел. пехоты и 3 орудия. Кроме этого, здесь же находились 1250 чел. кон. и 825 чел. пехоты чеченского, гумбетовского и салатавского ополчений.

Задача группы состояла в демонстрации под крепостью Внезапной с одновременным движением по двум направлениям: а — Шахмардан Хаджи должен был проникнуть за линию реки Сулак к укреплению Низовому, где находилась база снабжения неприятеля, и б — движение Шуаиб Муллы, через Костек, в направлении Кизляра, чем брались под непосредственную угрозу тылы неприятеля. Названная акция должна была дезорганизовать планы русского командования и заставить его сосредоточить свои подвижные резервы в угрожаемых районах.

2 — В районе Карадахский мост—Гоцатль, под командой Кибит Магомы, находились: 1800 чел. пехоты и 400 чел. конницы при 3-х орудиях.

В задачу этой группы входила диверсия на плоскость, при чем исходным пунктом должны были стать занятые по пути аулы Кикуны и Гергебиль. Отсюда должны были быть атакованы и взяты укрепления Гергебиль и Бурундук-Кала, и в этом случае Кибит-Магома должен был действовать совместно с частями регуллярной конницы, пришедшими с плоскости. В случае успеха, достигалась двоякая цель: совершенно изолировывался отряд полк. Пассека и упрочались наши тылы в случае дальнейшего движения в Шамхальство и Мехтули.

3 — В районе Меге—Обох—Кегер, под командой Муртазали Тилетлинского — 125 чел. регул. кон. при 1 орудии, 600 чел. пеш. и 250 чел. кон. куядинского и андалялского ополчений.

Эта группа должна была наблюдать за действиями Самурского отряда в Кумухе, обеспечивать фланг и тыл наших войск и, наконец, препятствовать подаче помощи отряду ген. Гурко (22 октября ген. Гурко выступил из Темир - Хан - Шуры в сторону крепости Внезапной) и гарнизону Гергебиля.

4 — В районе Цудахар—Акуши находились 400 чел. пеш. и 350 чел. кон. акушинского и цудахарского ополчений под общим начальством Магомет Кади Акушинского.

Эта группа также должна была сосредоточить свое внимание в сторону Кумуха, прикрывая с этой стороны наши действия под Гергебилем. Одновременно с этим, Магомет Кади должен был стремиться конными частями выйти к укр. Низовому и овладеть им.

5 — В районе Сиух—Моксох, под командою Хаджи Мурата, были собраны — 200 чел. регул. кон. при 1 орудии, 500 чел. пеш. и 200 чел. кон. каратинского, койсубулинского и аварского ополчений.

Хаджи Мурат должен был непрерывно беспокоить запертый в Хунзахе отряд полковника Пассека и стараться его окончательно деморализировать. Вместе с этим, он должен был противодействовать подаче помощи осажденным отрядом полк. Ясинского, который находился в укр. Зыраны, и, наконец, тревожить гарнизон укр. Гимры.

6 — Общий резерв главного командования под командою Нур Магомета Согратлинского. Резерв этот состоял из карахского, капучинского, тлейсорухского и гидатлинского ополчений, из которых 1110 чел. находились в Салтах, а 500 чел. в Согратле.

---

20 октября Имам приступил к осуществлению выработанного плана, прибыв для этой цели в Дылим и взяв здесь в свои руки общее руководство операцией. В тот же день он приказал Шуаиб Мулле двигаться на Костек через Хасав-Юрт (800 чел. кон. ополчения при 1 орудии), а Шахмардан Хаджи через Султан - Янги - Юрт на укр. Озень (400 чел. кон. и 300 чел.

*) См. „Горцы Кав." №№ 39 и 40.

пеш. ополчения). Сам же, с регуллярными частями и 450 чел. пеш. ополчения при 2-х орудиях, 21 октября подошел к аулу Эндери и крепости Внезапной, открыв по последней артиллерийский огонь.

Демонстрация удалась как нельзя лучше. Неприятель, ожидавший, как об этом писалось выше, в этом направлении главный наш удар, сейчас же отозвался и его подвижные резервы как со стороны Т.-Х.-Шуры, так и со стороны правого фланга потянулись сюда. А. Юров свидетельствует об этом следующим образом: „Генерал Гурко, для поддержания крепости Внезапной и плоскости, выступил из Шуры 22 октября, в восемь часов пополудни, со сводным апшеронским баталионом и двумя баталионами тифлисского полка, при двух легких и 2-х горных орудиях. На другой день, перед вечером, отряд этот прибыл в Султан-Янги-Юрт, где уже находились: первый бат. кабард. полка, два легких орудия и шесть сотен донских и уральских казаков, прибывшие с Сулака, под начальством подполк. Евдокимова". Тоже самое сделал, только двумя днями позже, генерал Фрейтаг: „Ген. Фрейтаг с 1-м и 3 бат. куринского полка, при 8 орудиях и со всею кавалериею (1100 шаш.) перешел из Куринского укрепления (Ой-Сунгур) в укр. Ташкичу, уведомив по линии о намерениях неприятеля и приказав майору Суслову — притянуть главные резервы".

По прибытии в Султан-Янги-Юрт, ген. Гурко имел о намерениях Имама такие сведения: „Здесь сведения о чрезвычайных сборах неприятеля, с целью вторжения на кумыкские владения и нападения на деревню Андрееву (аул Эндери), подтверждались последующими донесениями генерала Фрейтага, полк. Козловского и исправляющего должность главного кумыкского пристава, равно как и слухами и показаниями лазутчиков". На основании этого, 25 октября, ген. Гурко приказал: „генералу Клюгенау, для защиты миатлинской переправы, направить из Т.-Х.-Шуры баталион пехоты".

Между тем, Имам, пользуясь этим неведением русского командования, 27 октября, оставив Шуаиб Муллу и Шахмардан Хаджи для продолжения демонстрации (с ополчением и регуллярной пехотой

Линия расположения русских войск до и после начала операции 1843 года.

при 2 орудиях), сам во главе регуллярной конницы в один переход прибыл под укр. Гергебиль. 28 октября, по занятии аулов Гергебиль и Кикуны и соединении с группой Кибит Магомы, наши войска приступили к осаде укр. Гергебиль, которое находилось в $1^1/_2$ верстах от аула Гергебиль.

Наш маневр был настолько неожиданным для русского командования, что ген. Гурко, получив донесение о движении Имама обратно в горы, решил, что мы совершенно отказались от продолжения операции и Имам „распустил свои скопища". Успокоенный, ген. Гурко двинулся обратно в Т.-Х.-Шуру и здесь, в пути, получил 31 октября первые сведения об истинных намерениях Имама. Факт этот описывается А. Юровым следующим образом: „Ночью, на пути из Султан-Янги-Юрта в Шуру, получено было донесение генерала Клюгенау о занятии неприятелем селений Кикуны и Гергебиля".

Приступив к осаде укрепления Гергебиль, Имам принял все необходимые меры, чтобы прикрыть осаждающие войска как со стороны укреплений Зыраны и Аймаки, так и со стороны Оглы и Араканы. В этих направлениях действовали ополчения Муса Гитинау и Идрис-Хаджи. Неприкрытым оставалось направление на Темир-Хан-Шуру, но Имам считал, что отсутствие там ген. Гурко с подвижным резервом позволит, до прихода последнего, покончить с Гергебилем.

Нужно отдать справедливость, гарнизон укрепления, ответив на предложение о сдаче отказом, оказал стойкое сопротивление. 3 штурма, предпринятые нами 29 и 30 октября, былы отбиты. Тогда решено было приступить к правильной осаде. Неприятель об этом говорит так: „Горцы начали рубить сады, устраивать фашины и туры, под прикрытием которых приближались постепенно к валу укрепления". Работы эти производились под руководством наиба-инженера Закария Чохского. После восьмидневной осады, укрепление, гарнизон которого состоял из баталиона тифлисского полка и 6 орудий, было взято штурмом и срыто.

Необходимо отметить при этом один показательный эпизод: на 5-ый день осады ген. Гурко, во главе дагестанского отряда, прибыл на Аймакинские высоты на выручку укрепления; однако, простояв 2 дня на виду у осажденных, под натиском 400 чел. нашей пехоты под командой Кибит Магомы, поспешно отступил. Это отступление является совершенно непонятным, если принять во внимание, что русские войска здесь доходили до 4500 чел. при 15 орудиях ($3^1/_2$ бат. при 5 орудиях непосредственно при ген. Гурко, $1^1/_2$ бат. при 3 орудиях в Оглы, 1 бат. при 1 орудии в Аймаки и, наконец, гарнизон Гергебиля) и во много превышали наши войска.

Этот постыдный факт А. Юров описывает так: „Вдруг, около четырех часов пополудни, сверх всякого ожидания, на аймакинских высотах заблистали на солнце штыки. Настроение гарнизона мгновенно изменилось: отвага закипела, отчаяние сменилось восторгом. Но недолго пришлось радоваться. 6-го числа (ноября) дагестанский отряд отступил, предоставив Гергебиль, в силу стечения обстоятельств, собственным его средствам".

Необходимо добавить к этому, что, в случае успеха, ген. Гурко освобождал не только укрепление Гергебиль, но и значительно облегчал положение полк. Пассека в Хунзахе, затрудняя нам вместе с этим освобождение Аварии.

Нерешительность ген. Гурко была использована нами надлежащим образом.

9 ноября, сейчас же после взятия Гергебиля, Имам решил приступить к осуществлению следующего плана:

1—Главными силами перейти в энергичное наступление в 2-х направлениях: а — под личным командованием Имама в составе 1325 чел. пехоты и 1350 конницы при 3-х орудиях по оси—Гергебиль—Аймаки—Аркас—Казанищи, и б—под командою Нур Магомета Сogратлинского (850 чел. пеш. и кон. ополчения при 1 орудии) по оси—Салты—Ходжал Махи—Дуранги—Дженгутай—Бунглен—Муселим Аул.

Цель и задачи этого наступления — подчинение Шамхальства и Мехтули и подход под крепость Т-Х-Шуру с целью блокирования.

2—Для ликвидации укреплений Зыраны и Бурундук Кала оставляются под командою Кибит Магомы 1100 чел. пешего и конного ополчения при 2-х орудиях, которым должны оказывать содействие части Хаджи-Мурата.

3—Шуаиб Мулле с 800 чел. регул. и ополченской конницы при 1 орудии переправиться на правый берег Сулака, занять Кумтор-Кале и Капчугай, выселить населе-

ние, а аулы сжечь. По исполнении этого, перейти в Кафир-Кумух—т. е. под Темир-Хан-Шуру, где связаться с частями Нур-Магомета в Муселим Ауле.

4—Салатавскому наибу Шахмардан Хаджи энергично действовать на линии Сулака на участке укреплений Черкей — Миатлы, кои занять и срыть.

5—Магомету-Кади Акушинскому с 350 чел. кон. ополчения при 1 горном единороге глубоким рейдом подойти к укр. Низовое — базе неприятельского снабжения, запасы захватить, а укрепление срыть.

6—Уллубий-Мулла должен из Делима беспокоить неприятеля постоянными диверсиями и препятствовать ген. Фрейтагу в подаче помощи в Т-Х-Шуру.

7—Задание Муртазали Тилетлинского остается без изменения с той разницей, что ныне ему подчиняются еще и находящиеся в Согратле под командой Магомета-Кади Андалялского 500 ч. ополчения.

---

11 ноября Имам с боем занимает Казанищи и останавливается во дворце Шамхала. Передовые части войск располагаются по речке Шуринке. Нур-Магомет Согратлинский 10 ноября занимает с боем Дженгутай и 11 числа с главными силами своей колонны вступает в Муселим Аул, вытесняя отсюда около 500 чел. пехоты и милиционеров. 12 ноября Имам лично производит рекогносцировку крепости Шуры и подступов к ней и решает блокировать крепость, отрезав ее от внешнего мира. 14 ноября в Кафир-Кумух, через Кумтор-Кале и Капчугай, прибывает Шуаиб-Мулла во главе 850 чел. конного ополчения при одном орудии и сменяет находящиеся здесь 150 чел. ополчения Нур-Магомета.

В результате всех этих действий, к 17 ноября расположение наших сил представлялось в следующем виде:

1—Кафир-Кумух — Халимбек Аул: 850 чел. кон. ополчения и 200 чел. регул. пех. при 1 орудии под командой Шуаиб-Муллы.

2 - Муселим Аул—Буглен: 450 чел. регул. пех., 200 чел. кон. и 500 чел. ополчения при 2-х орудиях под командой Нур-Магомета.

3—Казанищи — Дженгутай: 750 чел. пех., 900 чел. кон. при 3-х орудиях и 450 чел. ополчения под командой карахского наиба Абдурахман-Дибира.

5—Эрпели—Ишкарты: 450 чел. пех. и 400 кон. ополчения при 1-м орудии под командой гумбетовского наиба Саид-Кадия.

4—Агач Аул: 300 чел. кон. ополчения под командой Идрис-Хаджи.

Всего под крепостью Темир-Хан-Шурой было сосредоточено: 2500 чел. регул. войск, 2600 чел. ополчения, 6 орудий и саперная команда в 75 человек.

Однако, силы эти, при всей своей боеспособности и высоких моральных качествах, были недостаточны для овладения Т-Х-Шуры. Имам отлично это понимал, но учитывал то обстоятельство, что морально подавленный противник, хотя и превосходящий в силах, без содействия извне не посмеет выйти из крепости и этим облегчит нам: 1 — уничтожение укрепленной линии по Сулаку, 2— овладение укреплением Зыраны, последним оплотам русских в нагорном Дагестане, 3 – установить власть Имама среди населения плоскости и выселить отсюда часть населения в горы, и 4 - пополнить запасы продовольствия и боевых припасов за счет отобранных у неприятеля.

14 ноября, под натиском наших частей, неприятелем очищаются укрепления: Гимры, Зубут и Чиркей. Укрепление Миатлы осаждено Шахмарданом Хаджи, а укрепление Низовое—Магометом-Кади Акушинским, причем этим последним по пути захвачена богатая добыча.

16 ноября полковник Пассек, воспользовавшись временным отсутствием Хаджи-Мурата, оставляет злополучный Хунзах и на следующий день соединяется с отрядом полк. Ясинского в укр. Зыраны. При этом движении сильно пострадал лишь арьергардный баталион у Балаханы от ополченцев Муссы Гитинау. В тот-же день — т. е. 17 ноября, сдалось Хаджи-Мурату укрепление Бурундук-Кала. И, наконец, 23 ноября Шахмарданом Хаджи было штурмом взято укрепление Миатлы. Укрепление-же Евгениевское было блокировано чиркеевцами и зубутовцами.

Но в этом промежутке времени нам пришлось потерпеть и незначительную, правда, неудачу. Ген. Фрейтаг, усыпив бдительность Уллубий-Муллы, с 3 бат. пехоты и 14 сот. казаков при 8 орудиях, 20 ноября подошел к укреплению Низовому и освободил его гарнизон от осады. Правда, события на кумыкской плоскости заставили ген. Фрейтага в тот-же день уйти обратно, но укр. Низовое было спасено. Уллубий-Мулла двинулся в сторону Сул-

тан-Янги-Юрта, занял его и Чир-Юрт, отбросив к укр. Кази-Юрт находившегося здесь с 2 бат. пех., 3 сот. казаков при 6 орудиях полк. Евдокимова. Население занятых аулов выселилось в горы.

Положение в Шамхальстве к этому времени Магомет-Тагир Карахский описывает так: „Почти все шамхальцы, за исключением тех, которые скрылись в Шуре у русских, из'явили полную покорность и выдали заложников в залог их будущей верности шариату".

В условиях того времени, Т-Х-Шура представляла из себя в Дагестане крепость первой величины. Она была обнесена прекрасным валом с глубоким рвом и линией оборонительных башен. В крепости были сосредоточены громадные склады и помещался военный и административный центр Дагестана. В описываемое время гарнизон ее состоял из 7 бат. пех., 4 сотен казаков и шамхальской милиции, роты сапер, 17 полевых и горных и 12 крепостных орудий.

В осажденной крепости царила растерянность и нерешительность. А. Юров говорит: „И так, два отряда были прикованы к месту: один в Шуре, другой в Аварии (укр. Зыраны) и не были в состоянии не только подать друг другу руки, но даже что-либо предпринять". Магомет Тагир доканчивает сказанное Юровым следующим образом: „Наше командование, привыкшее ничему не удивляться, было поражено бездеятельностью и растерянностью русских военачальников и их беспримерной податливостью к панике — в глазах коих неприятель формально удесетерялся".

Ген. Гурко взывал помощь со всех сторон. Им было послано энергичное требование о помощи генералам Аргутинскому и Фрейтагу, а также просьба к корпусному командиру в Тифлис.

Ген. Аргутинский не мог не знать о положении Т.-Х-Шуры и без сообщений ген. Гурко. Однако, он оттягивал выступление и, когда решился это сделать, выбрал для своего движения совершенно необычный путь. Имея при себе вполне достаточные силы для движения в любом направлении ($4\frac{1}{2}$ бат. пех., 2000 чел. конной милиции и 9 орудий), он, вместо прямого движения на Цудахар и выхода на Аркасские высоты, где наши главные силы под Т-Х-Шурой могли быть отрезаны, предпринимает не выдерживающее никакой критики движение. „Глубокий снег и вьюги на Дурчидаге,—пишет А. Юров—вместе с восстанием Акуши и Цудахара, заставили князя Аргутинского, уже стянувшего свой отряд к Кумуху, идти на выручку Шуры кружным путем, к Самуру, и оттуда на город Дербент. Пока движение это совершилось, обстоятельства шли быстро, и самурский отряд опоздал".

Об'яснение Юрова едва-ли можно признать удовлетворительным, ибо „снег и вьюги" нисколько не препятствовали движению наших войск. Ген. Аргутинский просто на просто потерял доверие к своему отряду и вообще в „непобедимость русского оружия" в Дагестане.

Медлил с помощью и Фрейтаг, ибо положение его было также незавидным, и он без ущерба для себя не мог дать ни одной роты. Командир-же корпуса приказал спешно перебросить с правого фланга и центра все, что только возможно, но во всяком случае не менее 6 бат. с соответствующим количеством артиллерии. Как мы увидим ниже, ген. Фрейтаг должен был подчиниться этому распоряжению и прибыть, все-же, на помощь осажденным.

Если бездеятельность проявлялась со стороны Гурко и Аргутинского, то в неменьшей степени проявлял ее и полк. Пассек в Зыранах. Сидя в $1^1/_2$ переходах от Т-Х-Шуры с $5^1/_2$ бат. пехоты, командой сапер, сотней милиции и 17 орудий, он даже не пытался сломить блокаду „несметных сил" Хаджи-Мурата и Кибит-Магомы, состоящих вначале из 17 сотен конного и пешего ополчения при 2 орудиях, а затем, после прибытия Магомета-Кади Акушинского из под укр. Низового, увеличившихся еще на 3 сотни кон. ополчения.

Зная о том, что помощь не может быть подана ни откуда и имея ясное и определенное приказание ген. Клюгенау в наикратчайший срок пробиться в Т-Х-Шуру, полковник Пассек предпочитал сидеть в Зыранах, несмотря на то, что войска начали терпеть уже всяческие лишения.

Так продолжалось до половины декабря, до момента прибытия с подошедшими резервами ген. Фрейтага. Отряд Фрейтага, согласно русских источников, состоял из $6^1/_2$ баталионов пехоты, 1350 рекрутов, 1400 казаков и 18 орудий. Иначе говоря, прибыло около 10000 штыков и шашек и 18 орудий.

Несмотря на столь значительные размеры, отряд из укр. Кази-Юрт до Т-Х-

Шуры двигался 8 дней. Об'ясняется это искуссными действиями салатавского наиба Шахмардана Хаджи, который, буквально на каждом шагу, задерживал русский отряд своими 200 чел. регул. конницы и 750 чел. ополчения, имея при этом всего на всего 1 орудие. При этом не надо забывать, что это происходило на плоскости, где условия обороны далеко менее выгодны, чем в горах.

После прибытия Фрейтага, в Т-Х-Шуре сосредоточились: $13^1/_2$ бат. пехоты, 18 сотен казаков и милиции, саперная рота и 35 орудий—т. е. около 17000 штыков и сабель при 35 орудиях.

Поход в пределы Шамхальства принес нам значительные моральные и материальные успехи.

Прежде всего, учреждены были 2 новые наибства, и шамхалом, вместо генерала русской службы Абул-Муслим-Хана, был назначен брат его Магомет-Бек, большой энтузиаст и сторонник независимости. Магомет-Бек, после назначения, присягнул на верность Имаму 27 ноября в главной мечети в Казанищи.

Затем были сожены аулы Тарки, Шамхал-Янги-Юрт, Кумтор-Кале и Капчугай, а население их выселено. Выселено также население из Кафир-Кумуха и Халимбек Аула в Эрпели и Каранай, а из Муселим Аула и Буглена в Казанищи и Дженгутай.

Наконец, из аула Тарки был перевезен прах первого Имама Гази-Магомета и торжественно похоронен в родном ауле Гимры. На похороны прибыли делегации почти от всех горских племен.

Между тем, предчувствуя появление значительных русских сил в районе Темир-Хан-Шуры, Имам предпринял соответствующие шаги. Часть ополчения, легко одетая, была распущена и заменена ополчением из Шамхальства и Мехтули. Все раненные и излишние тяжести были эвакуированы в горы. Таким образом, приход ген. Фрейтага застал наши части вполне подготовленными на случай отхода.

И действительно, осада Т-Х-Шуры, гарнизон которой значительно увеличился и во много раз превышал наши части, потеряла смысл. Имам решил отойти и на рассвете 15 декабря отдал следующие распоряжения:

1—Всем регуллярным частям, находившимся в районе Т-Х-Шуры, при 3 орудиях, под командой Абдурахман-Дибира Карахского, отходить в направлении Казанищи—Аркас—Араканы, откуда, по обстановке, действовать во фланг или тыл противника.

2— Ополченским частям и 200 чел. регул. конницы при 1 орудии под командой Нур-Магомета отходить в направлении Муселим Аул—Дженгутай—Оглы и из последнего пункта связаться с главными силами в Араканах, выставив одновременно сильный пост в 100 чел. у Дженгутаевских высот.

5— Шуаиб Мулле вернуться на кумыкскую плоскость под крепость Внезапную.

4— Гумбетовскому наибу Саид-Кади выдвинуть сильный пост в сел. Эрпели.

5— Идрис-Хаджи с 400 чел. кон. ополчения отходить по линии Агач Аул—Бурундук Кала, где сосредоточиться и связаться с Хаджи-Муратом под укр. Зыраны.

Отход наших войск начался в тот же вечер, после двух кровавых схваток под Муселим Аулом и Кафир Кумухом.

Взятое неприятелем направление на Казанищи — Муселим Аул и количество введенных в дело частей были достаточными Имаму для определения, что главной целью неприятеля в данный момент является освобождение отряда полк. Пассека. Таким образом, оказалось, что распоряжения, отданные им предыдущего дня, были вполне правильными.

16 декабря ген Гурко прошел через Казанищи на Бурундук-Кала, имея 7 бат. пехоты, ракетную роту, роту сапер, 1 сотню казаков и 8 горных орудий. В Казанищи были оставлены 2 баталиона, а к Аркасским воротам двинут Фрейтаг с 3 баталиона, 8 сотнями казаков при 8 орудиях. Отряд Фрейтага должен был обеспечить тыл ген. Гурко.

17 декабря, под натиском неприятеля, Идрис-Хаджи отошел в сел. Ирганай, где вошел в подчинение Хаджи-Мурата.

В тот-же день неприятельская колонна начала спускаться к укр. Зыряны, оставив в Бурундук-Кала в качестве заслона 1 бат. при 2 орудиях. Об этом движении осажденный полк. Пассек был предупрежден лазутчиком еще в ночь с 16 на 17 декабря.

В результате этого маневра, на рассвете 17 декабря Хаджи-Мурат отвел части, расположенные в Ирганае, оставив на месте небольшой пост для наблюдения в сторону Араканы. Сделал он это согласно приказанию Имама, которое гласило: „В

случае выявления врагом намерения оставить укр. Зыраны, открыть ему дорогу через аул Ирганай, а затем ударить в тыл отходящей колонны". С прибытием Фрейтага и движением русских войск из Т-Х-Шуры в горы, успех осады укр. Зыраны становился проблематичным. Имам это учитывал, учитывал он при этом и психику осажденного гарнизона. Зная о близости значительных сил своих войск и помня недавнюю историю с „вспомогательной" экспедицией ген. Гурко, гарнизон едва-бы решился, по предположению Имама, ждать помощь в стенах укрепления и предпочел бы сам двинуться на соединение с главными силами, если бы имел к тому какую-либо возможность. Заранее предопределенный отход Хаджи-Мурата давал ему эту возможность. Таким образом, ускаривалось без особых усилий полное очищение нагорного Дагестана, ибо все говорило за то, что экспедиция ген. Гурко носит вспомогательный характер, и как только гарнизон укр. Зыраны будет освобожден, русские войска уйдут на плоскость.

Рассчет Имама оказался правильным. В ночь с 17 на 18 декабря, гарнизон Зыраны, видя, что путь свободен, вышел из укрепления и довольно поспешно стал отходить в Бурундук-Кала. У А. Юрова это отступление описывается так:

„17-го, на рассвете, получено было известие от генерала Клюгенау, что отряд генерала-лейтенанта Гурко прибыл в Бурундук Кала... Были брошены в Койсу все снаряды из парка, а также три орудія, которые невозможно было доставить в Шуру, по трудности зимней дороги, по необходимости быстрого отступления. В полночь, сняты все секреты и цепи с позиции при селении Зыраны, и передовая часть войск прошла за резерв, а потом резерв разложив большие костры на биваке, отступил, соблюдая полную тишину, в укрепление. К двум часам пополуночи, были сняты орудия и роты с редут, а в четыре часа утра, 18 декабря, после 30 дневной блокады, аварский отряд выступил к урочищу Бурундук Кале. На половине дороги он встретил авангард главного отряда, а потом — командовавшего войсками, генерала Гурко, и генерала Клюгенау".

В этом отступлении Пассек потерял почти целиком арьергардный баталион, который находился почти на всем пути под ударами Хаджи-Мурата. Соединение Пассека с отрядом ген. Гурко прекратило преследование и, как об этом свидетельствует в своих записках Идрис-Хаджи, предотвратило начавшуюся в отряде Пассека панику.

После соединения двух русских отрядов, ген. Гурко начал обратное движение. Войска его прошли гору Ширшерик-меэр и к ночи прибыли к хуторам, что находятся у Казанищи, а затем, на следующий день 19 декабря, отошли в Т-Х-Шуру. Всю дорогу они преследовались Хаджи-Муратом (400 чел. пеш. и 300 чел. кон. ополчения) и Кибит-Магомой (1000 чел. регул. кон. при 1 орудии), которые держали неприятеля в постоянном напряжении. В день прихода ген. Гурко в Т-Х-Шуру, наша конная сотня из отряда Нур-Магомета, находившаяся на Дженгутаевских высотах, перешла в аул Буглен.

Оставив по линии реки Сулак, в ауле Эрпели и у Аркасских и Дженгутаевских ворот конные посты, Имам распустил все ополчение, а регуллярные части поставил на зимние квартиры: пехоту — в селениях Гергебиль, Зыраны, Салты и Гоцатль, а кавалерию — в Обох, Карадах и Дарго.

Неприятель расквартировал свои силы в Темир-Хан-Шуре, Кафир-Кумухе, Муселим Ауле, Казанищи и Ишкарты. Фактически, вне пространства, заключенного между этими пунктами, власть русских в Шамхальстве не распространялась. Несмотря на незначительность района и большое количество войск, и здесь русские чувствовали себя далеко не спокойно. Факт этот был отмечен официальной инструкцией ген. Гурко. „Так как на шамхальцев нельзя полагаться, — гласила инструкция — то нижним чинам воспрещено ходить в Шуру по одиночке; отправлять лишь команды, и чем дальше отстоит селение от Шуры, тем команды должны быть сильнее. Рекомендуется посылать два или три раза в неделю постоянные оказии".

Чрезвычайно затруднена была также связь с центром и с высшим командованием на Кавказе. Связь в сторону севера имелась лишь с укреплением Кази-Юрт, через Капчугай – Кумтор Кале — укр. Озень, для чего в этих пунктах сосредоточены были по 1 бат. пехоты, 2 сотни казаков и 1 орудию. Связь же с крепостью Дербент была прервана из-за изменившегося положения в Мехтули.

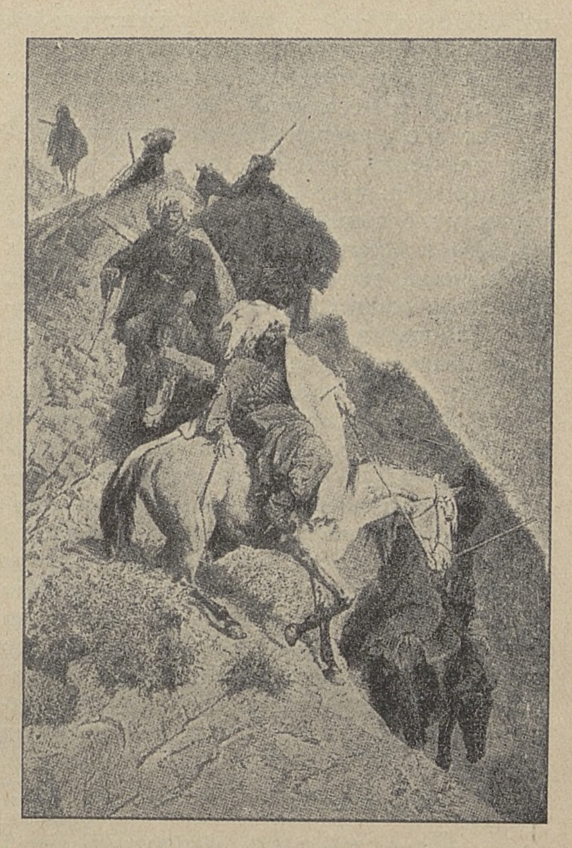
О том, как приходилось поддерживать

связь с Кази-Юртом, неприятельские источники повествуют следующим образом: „Для сообщения между Шурою и Кази-Юртом приказано было учредить еженедельные оказии с прыкрытием, смотря по сведениям о неприятеле и по числу повозок; но, во всяком случае, не менее двух рот пехоты, полусотни казаков, при одном орудии".

Так закончились военные события в Дагестане в 1843 году. Значение этих событий было огромно, и факт этот был отмечен даже неприятелем. „И так, — пишет А. Юров, военные действия 1843 года в Дагестане были окончены. Итог наших потерь с 27 августа по 22 декабря следующий: убито, ранено, контужено, без вести пропало и взято в плен генералов, штаб и обер офицеров 92, нижних чинов 2528. Потеря же материальными средствами состояла из 27 орудий, 8 крепостных и 2152 обыкновенных ружей, 13816 зарядов, 35.000 патронов, 50 пудов пороха, 180 палаток, 368 казенно-под'емных лошадей и различных вещей комиссариатского, артиллерийского и инженерного ведомств. Неприятелем разрушено до основания 12 (в действительности 15) укрепленных пунктов: Унцукуль, Балаханы, Моксох, Ахальчи, Цатаных, Гоцатль, Гергебиль, Бурундук Кала, Хунзах, Низовое, Зыраны и Гимры.

Так завершился достопамятный и грустный для нас 1843-й год собственно в Дагестане. Пред изложенными выше событиями в этой части края бледнеют все наши действия и случаи столкновений наших с неприятелем на всех других пунктах Кавказа. Да и немогло там быть ничего особенно серьезного, потому что, во первых, всеобщее внимание наше и всех магометанских племен кавказской окраины было направлено на Шамиля и дагестанских горцев, от успеха или неудач которых зависело относительное положение непокорного нам в то время Кавказа, аво вторых и потому, что, ведя усиленную, сверх всяких соображений и ожиданий, борьбу в Дагестане, мы не имели ни сил ни возможности осуществить на других пунктах даже ту программу, которая была заблаговременно начертана для нашей деятельности в 1843-м году".

Оценку операции заканчивает А. Юров так: Если взять во внимание, что многие годы обошлись нам и многими пожертвованиями, то, по присоединении последних к потерям злополучного 1843-го года, результатом которого они служили, окажется, что, на самом деле, 1843 год обошелся нам по крайней мере вдесятеро дороже того, что исчислено уже здесь в своем месте".

Şamil süvarilerinin dağlarda hareketi (Gorşelt'in tablosu). Кавалерия Шамиля при переходе через перевал (карт. Горшельта).

В своих записках гергебильский наиб Идрис-Хаджи пишет, что в операции 1843 года было взято одних только пленных около 2.000 человек и 35 орудий, а укрепленных пунктов 15. В приводимом итоге А. Юров умалчивает о взятых и срытых нами укреплениях—Чиркей, Миатлы и Зубут.

Интересно привести здесь характеристику официальных русских реляций, данную ген. В. Гейманом в своих воспоминаниях о службе на Кавказе: „Писались реляции, прославлялась потеря наша, а неприятельская была всегда больше, —

ведь ее проверить было невозможно и всегда обозначалось: неприятель потерял самых лучших людей. Сложился по этому поводу даже следующий анекдот: ад'ютант, докладывая начальнику реляцию, спрашивал: ваше превосходительство, сколько прикажете показать потери у неприятеля? — Да что их жалеть! Покажите столько то. Если по всем реляциям сосчитать показанную потерю неприятеля, то надо удивляться плодовитости горцев, когда еще их так много осталось после покорения Кавказа".

Тот же генерал Гейман, проводя параллель между нашими воинами и своими солдатами, пишет: „Горцы, сравнительно, несли потери гораздо меньше нас, потому что они были вооружены нарезными винтовками, которые стреляли и дальше, и вернее наших весьма плохих кремневых самопалов. К тому-же, горцы были искуссные стрелки, приучаясь к стрельбе чуть-ли не с детства; нашим же солдатам некогда было учиться стрелять (за время 25 летней службы можно было-бы научиться — Х.), и искусство заменялось огромным количеством выпускаемых патронов, на каждый горский выстрел. Затем, горцы искуссно умели пользоваться местностью и действовали врассыпную: мы же должны были двигаться массами. Горец легко одет, без всякой ноши, быстро мог переменять место; наши же солдаты, с тяжелым боевым снаряжением, должны были двигаться медленно. Вот главная причина, почему мы, сравнительно, несли громадные потери".

Это — слова известного русского генерала, начавшего свою карьеру от чина прапорщика в действующем кавкасском корпусе. Следовательно, оценка вполне компетентная. Генерал Гейман ясно подчеркивает, что 1 — боевая подготовка горца-воина стояла несравненно выше таковой-же у русского солдата; 2 — вооружение горца было лучше; 3 — горец искуссно пользовался местностью и в этом свойстве так-же значительно превосходил русского солдата; и 4 — маневренная способность наших войск и командования были также лучше, чем у противника.

Все эти свойства нашей армии блестяще были выявлены в операции 1843 года. Не надо забывать при этом, что нашим противником была первоклассная в Европе армия, пожавшая незадолго перед этим лавры победы в войнах с Наполеоном.

Думаю, что попытка моя восстановить в правдивом освещении один из эпизодов героической борьбы наших отцов за независимость, под водительством гениального верховного вождя горцев Кавказа Имама Шамиля, с достаточной ясностью доказывает, что мы и стратегически и тактически стояли во всяком случае не ниже своего врага.

Ногай

География военно-промышленных баз в СССР

В условиях современной войны, особенно важное значение приобрел тыл, внутренние пространства воюющих государств. Громадность материальных средств, расходуемых сражающимися на фронте армиями, требует от тыла чрезвычайного хозяйственного напряжения и высокой организации всех отраслей экономической жизни страны. Тыл должен заботиться не только о своей воюющей армии — в равной степени он должен думать и о нуждах народа в целом, памятуя, что длительные лишения и материальный недостаток способны вызвать упадок духа и разложение даже в народе психологически наиболее подготовленном для ведения войны. Не надо забывать, что депрессивные настроения, развившиеся в тылу, с чрезвычайной легкостью распространяются затем и на фронте. Пример Германии в последнюю войну является лучшим тому доказательством. Развал тыла, явившийся следствием полного экономического истощения, привел Германию к поражению на фронте. До известной степени результатом экономической разрухи было и поражение России, но здесь эта разруха появилась не вследствии истощения, а благодаря тому, что власть проявила абсолютную неспособность руководить хозяйственной жизнью страны в обстановке войны.

Но как бы там ни было — ясно одно: военная мощь всякого гусударства означает одновременно и его экономическую мощь. Последняя же обыкновенно концентрируется в нескольких базах, носящих в данном государстве военно-промышленный или, вернее, военно-экономический характер.

Какие же военно-экономические базы имеются у Советского союза и насколько они обеспечивают его военную мощь?

Наиболее крупной и центральной по положению военно-промышленной базой является Урал и Кузнецкий бассейн, об'единенные в т. н. Урало-Кузнецкий комбинат. Это — крупный центр добывающей и обрабатывающей промышленности: Урал — добыча и обработка руд и других ископаемых, Кузнецкий бассейн — добыча угля.

Большевики с самого начала первой пятилетки решили экономически „освоить" Урал и Западную Сибирь в целях создания мощной военно-экономической базы в северо-западной Азии.

Опираясь на эту базу, Москва намеревалась повести широкую экономически-политическую и военную экспансию в близлежащие восточные страны. Из этого пункта, в случае войны, должны были быть брошены, через средне-азиатские железнодорожные пути и Турксиб, полчища красной армии на Индию. Отсюда-же большевики расчитывали влиять на Китай и соседние страны Дальнего Востока.

За последнее время, когда обнаружилась военная опасность со стороны Японии, значение этой базы для большевиков еще более повысилось. Урал будет тем пунктом, где решится вопрос жизни и смерти красного империализма.

Наряду с экономическим завоеванием этого края, большевики деятельно колонизируют его русским элементом, проводя одновременно политику ассимиляции местных национальностей. Большинство местного населения принадлежит к народам не русской национальности — однако, „нацмены" Урала и Западной Сибири не получили даже куцой советской автономии.

За последнее пятилетие народонаселение Уральской области сильно возросло; областной центр — гор. Свердловск увеличился в несколько раз, и этот ненормальный рост происходит исключительно за счет русских переселенцев из европейской части СССР. Русские рабочие, верные псы красного империализма, заполняют города Приуралья и Западной Сибири. О значении для большевизма этого центра говорит и проэкт перенесения красной столицы из Москвы в Свердловск.

Второй военно-промышленной базой СССР являются — Центрально-промышленный район (Москва и Ивановознесенск, именуемый красным Манчестером) и Ленинградская область. Здесь сосредоточены центры металлообрабатывающего и химического производства. Здесь расположены большинство фабрик военного снаряжения, заводы авиационной и автомобильной промышленности. Этот район так-же является одной из жизненных артерий Советского союза.

Третьей военно-промышленной базой СССР является южная часть союза — Донбас (уголь), Северный и Южный Кавказ (нефть и продукты нефтеперегонки, марганец). Здесь сосредотачивается второй центр добывающей промышленности — центр горючего материала. Роль последнего в современной войне — колоссальна; нефть и бензин обуславливают боеспособность как армии сухопутной, так и воздушного и морского флота. Вся сущность „социалистического строительства" в этом районе сводится к тому, чтобы довести продукцию этих важных для ведения войны материалов до возможного и даже невозможного максимума.

Слабо у большевиков обстоит вопрос с зерновыми и сырьевыми базами. Наиболее важные зерновые базы С.С.С.Р. — Украина, Северный Кавказ, Северное Предкавказье, Поволжье и Сибирская низменность.

При условиях нормального сельскохозяйственного производства, средний урожай перечисленных районов смог бы снабдить необходимыми продуктами питания красную армию в боевом составе.

Однако, в результате социалистических экспериментов (коллективизация и уничтожение наиболее трудоспособных слоев крестьянства) в области сельского хозяйства, последнее настолько обнищало, что снабжение им фронта может быть проведено только при условии полного голода в тылу. Особенно катастрофически обстоит вопрос с мясным фондом на случай войны. Коллективизация свела на нет крестьянское скотоводство и в современных условиях ему едва-ли суждено достичь даже норм 1928 года.

Положение с сырьевыми базами, каковыми по существу являются все „окраины" СССР — Крым, Кавказ, Туркестан и т.д., также не блестяще. Эти районы, трактуемые советским правительством в качестве колоний, истощены до последней степени и по своему духу не могут гарантировать советскому правительству бесперебойное действие на случай войны. Находящееся под двойным гнетом — экономическим и национальным, население „окраин" не представляет из себя элемента, который способен сохранить лойяльность по отношению к власти даже в первые дни войны.

Это обстоятельство заставляет Москву заботится о военном укреплении своих колониальных владений. В Крыму, Севастополь превращен в закрытую для местного населения военно-морскую крепость. На Кавказе проведена масса воздушных коммуникационных линий, имеющих чисто военный характер. В Туркестане выстроен Турксиб — стратегическая линия, преследующая цели как внешней экспансии, так и внутреннего воздействия на умы и настроения коренного туркестанского населения. Для той же цели укреплен и Хороч на Памире — крайний форпост советской оккупации в Таджикстане. По авгано-советской границе создана сеть военных колхозов (нечто вроде военных поселений Аракчеева), заселенных русскими переселенцами, которые с успехом могут быть названы советским казачеством.

Если обратить внимание на месторасположение всех перечисленных военно-экономических баз, то нельзя не заметить характерное, чрезвычайно важное явление — огромное большинство из них лежит вне пределов русской национальной территории, они расположены в районах, заселенных народами не-русской национальности. „Исконно-русская земля" — бедна и живет, подобно паразиту, за счет „инородческих" земель.

Эта география военно - экономических баз СССР является чрезвычайно важным моментом при определении их ценности на случай войны.

Во время войны материальное положение населения Советского союза опустится, несомненно, ниже того уровня, в котором оно находится сейчас. Это неминуемо вызовет вспышки недовольства, которое может быстро перейти в открытое вооруженное восстание против советской власти, ибо аппарат власти естественным ходом войны будет значительно ослаблен.

Среди населения „окраин", принадлежащего в большинстве к числу „инородцев" и находящегося поэтому, как мы заметили, под двойным прессом — гнетом социальным и национальным, опасность открытого восстания является более рельефной, тем более, что угнетаемые народы СССР идеологически вполне созрели для борьбы за свою национальную независимость.

Но в этом случае, национально-освободительная революция, начавшаяся на „окраинах", где сосредоточены все важнейшие военно-экономические базы СССР, нанесет военному могуществу красного империализма непоправимый удар. Лишенный жизненных соков, он не в состоянии будет не только наступать, но и сопротивляться. И тогда мир раз и навсегда будет избавлен не только от угрозы большевизма, но и от угрозы русского империализма во всех его проявлениях. Поражение большевизма означает распад СССР и конец имперского могущества России.

Б. Билатти

Государственно-созидательные возможности Северного Кавказа

Реализация идеи государственного существования Республики Северного Кавказа, кроме предпосылок суб'ективных — всенародного и твердого желания восстановить и сохранить независимость, обуславливается еще и наличием целого ряда предпосылок об'ективных—в первую очередь народно - хозяйственных факторов. Краткому рассмотрению этих факторов мы намерены посвятить настоящую статью.

Начнем с территории, которая как в силу исторической справедливости, так и в силу реальных условий настоящего момента должна быть сохранена за грядущей Республикой Северного Кавказа. По размерам этой территории (около 170.000 кв.

км.) Северный Кавказ превосходит многие государства, кои в настоящее время живут независимой жизнью. В числе этих государств находятся, например,—Греция (147.600 кв. км.), Чехословакия (140.300 кв. км.), Болгария (103.100 кв. км.), Австрия (83.900 кв. км.), Дания (44.400 кв. км.), Швейцария (41.300 кв. км.) и т. д.

Несмотря на свои сравнительно незначительные размеры, территория Северного Кавказа таит в себе богатейшие экономические возможности. Находясь под влиянием двух противоположных климатических факторов — Атлантического океана и Центральной Азии, она, благодаря исключительному разнообразию рельефа, обладает богатейшей гаммой различных климатических зон. Это, в свою очередь, создает весьма благоприятные условия для многообразия хозяйственной деятельности населения. В то время как северные и северо-западные плодородные равнины служат для разведения сельско-хозяйственных культур умеренного пояса (пшеница, кукуруза, ячмень, просо, подсолнух, сахарная свекла и т. д.), посевная площадь которых даже в условиях советского режима доходит до 2·5 милл. гектар, — в восточной степной и предгорной частях, а также по побережью Черного моря имеются блестящие условия для разведения высокоценных технических культур (табак, хлопок, кенаф, соя и т. д.), под которыми и сейчас находится около 300.000 гектар. Перед войной Северный Кавказ доставлял свыше 50% всей продукции табаку в тогдашней России, при чем табак этот был самых лучших сортов. В настояшее время посевная площадь табаку превышает 20.000 гектар. Кроме этого, на Северном Кавказе издавна ведется товарное садоводство и огородничество, которое уже в XVIII столетии давало значительные излишки для экспорта. В настоящее время эта отрасль служит базой для значительной консервной промышленности, продукты которой известны и на международных рынках. Наконец, значительные возможности таят в себе и обширные лесные массивы, которые покрывают горы и предгорья западной и центральной части. Уже сейчас годовая продукция лесной промышленности оценивается в 15 милл. рублей. Среди факторов, способствующих сельско-хозяйственной деятельности, следует упомянуть еще богатейшие пастбища, которые имеются в северно-восточной степной полосе, а также в суб'альпийском и альпийском горном поясе. Пастбища эти способствовали созданию высокосортных пород лошадей (кабардинская, ногайская) и овец (карачаевская, караногайская и т. д.), которые широко известны и за пределами Кавказа.

Реки, моря и озера Северного Кавказа изобилуют рыбами. Улов ценных пород рыб превышает ежегодно 10 милл. пудов и почти целиком служит для экспорта как в свежем виде, так и в виде разнообразных консерв.

Но особенным богатством отличаются недра Северного Кавказа. Крупнейшие нефтеносные и газоносные площади встречаются на всем протяжении от устьев Кубани и до границ с Азербайджаном, служа основой и в настоящий момент для значительной нефтяной промышленности. Кроме нефти, имеются огромные угленосные площади в Карачае, Кабарде и Дагестане, в бассейне Малки обнаружены мощные залежи высокосортных железных руд, в Осетии имеются обширные площади серебро-свинцово-цинковых руд, дающие всю продукцию серебра в СССР. Кроме этого, всюду встречаются медные, марганцевые, сурьмяные, мышьяковые, ртутные, золотоносные и пр. руды, богатейшие залежи цементных мергелей, графита, серы, мрамора, силикатных глин и т. д. Все это разнообразие ископаемых богатств, в котором счастливо сочетаются как топливо, так и продукты обработки, обеспечивает развитие многих отраслей горно-добывающей и горно-обрабатывающей промышленности. Если же к этому добавить электрическую энергию, таящуюся в мощных горных реках (по приблизительным подсчетам, только на главнейших реках—свыше 5 милл. лош. сил), то можем смело утверждать, что Республике Северного Кавказа в будущем без особого труда удастся занять одно из первых мест в числе передовых аграрно - промышленных стран.

Диторальное (надбрежное) положение страны гарантирует развитие судоходства и непосредственных торговых сношений со всем миром. Уже перед мировой войной товарообмен с за-границей с каждым годом увеличивался и грузооборот некоторых черноморских портов доходил до уровня портов, имеющих международное значение.

Так например, грузооборот Цемеса (Новороссийска) составлял около 2 милл. тонн. Из других портов следует быть отмеченым Туапсе, грузооборот которого по советским планам в 1929—30. г.г. должен был дойти до 2 милл. тонн (благодаря экспорту северо-кавк. нефти), а также Шамиль-Кала (Махач-Кала), где грузооборот превышает 1 милл. тонн. Что же касается остальных портов — Анапы, Джубга, Сочи, Хоста, Ардухач (Адлер) и др., то и они при соответствующих улучшениях могут служить для внешней торговли и, нужно полагать, в будущем значительно разовьются. Внешняя торговля Северного Кавказа носит экспортный характер — экспорт превышает импорт почти в $2\frac{1}{2}$ раза. Вывозятся продукты местного производства — сельско-хозяйственные товары, нефть и ее продукты, цемент, кожа, шерсть, рыбы и др. Кроме этого, Северный Кавказ служит до известной степени транзитным пунктом для соседних стран, входящих сейчас в состав СССР — Идел-Урала, Туркестана и др.

Таким образом, уже краткий обзор натуральных богатств Северного Кавказа и климатических условий, подкрепляемых весьма выгодным географическим положением (между двумя морями — Черным и Каспийским, составляющим естественный транзитный путь из Азии в Европу), свидетельствует о том, что Республика Северного Кавказа будет располагать всеми необходимыми экономическими предпосылками для независимой государственной жизни.

Если мы перейдем ныне к демографическому обзору Северного Кавказа, то и в этом отношение переспективы независимого существования представляются в вполне благоприятном виде. Насчитывая 4 с лишним милл. душ населения, Республика Северного Кавказа по количеству населения превышает Швейцарию (около 4 милл. душ), финляндию (около 3·5 милл. душ), Данию (3·5 милл. душ), Норвегию (около 3 милл. душ) и т. д. Плотность населения достигает в Республике Северного Кавказа 27 чел. на кв. км. и больше плотности населения СССР в целом (25 чел.), Эстонии (24 чел.), Латвии (23 чел.), Норвегии (9 чел.), Финляндии (10 чел.), Швеции (15 чел.), Турции, Персии и многих других государств. В отдельных районах республики плотность значительно повышается. В Дагестане, например, она достигает 50 чел. на кв. км., в Чечне 44 чел. и т. д. Наиболее значительна плотность населения в горных и предгорных районах восточной части республики.

Данные об естественном приросте на Северном Кавказе отсутствуют. Оккупационная власть никогда не проявляла особого интереса к статистическому изучению Северного Кавказа. Затем, и само автохтонное население относилось с глубоким недоверием ко всяким статистическим учетам правящей власти и всячески старалось ввести эту власть в заблуждение. Однако, вековые традиции горцев и уклад семейной жизни обеспечивают вполне нормальный прирост населения. Горец по природе своей — семьянин, и горские семьи отличаются многодетностью. Холостяки в северо-кавказских аулах встречаются в виде исключения и над ними подтрунивают, называя „жирными вдовцами". Сплошь и рядом, редкое на Северном Кавказе, многоженство об'ясняется тем, что муж берет себе вторую жену только потому, что от первой не имеет детей. В этих условиях, несомненно, Северный Кавказ в отношении натурального прироста занимает одно из первых мест и северо-кавказская нация является одной из наиболее жизнеспособных наций.

Не вызывает беспокойства и национальный состав населения Республики Северного Кавказа. Из 4 с лишним милл. душ населения на долю северо-кавказцев приходится около 3 милл. душ или почти 70%. Для сравнения скажем, что аналогичное соотношение между коренным населением и меньшинствами существует в Чехословакии (68% чехов и словаков), в Румынии (около 70% румын), в Польше (около 70% поляков) и что, например, в теперешнем СССР процент великоруссов доходит только до 52%, а в Персии персы составляют немногим более 60% населения.

Но говоря о национальном составе населения, необходимо принять во внимание, что независимость Кавказа возродится в виде Кавказской Конфедерации и Республика Северного Кавказа войдет в виде составной части в эту Конфедерацию. В этом случае иные кавказцы (армяне, азербайджанцы и грузины), находящиеся на территории Республики Северного Кавказа, отнюдь не будут руководствоваться психологией национальных меньшинств и усилят позиции северо-кавказской нации. Более того, весь Кавказ в этом случае может быть рассматриваем как единый национальный организм, ибо,

несомненно, с течением времени узы, связывающие кавказские народы, станут еще более тесными и конфедеративное единство преобразуется в единство федеративное, а, может быть, и унитарное. Не останется без влияния на национальный состав Северного Кавказа и массовая добровольная реимиграция на север колонизаторских элементов, которые в силу своей природы не примирятся с независимостью Северного Кавказа. Такой „исход" произошел, например, в Прибалтийских государствах, из которых, после провозглашения независимости, выселилось свыше 1 милл. русских рабочих, чиновников и т. д. Наконец, известная часть (пожалуй, значительнейшая) нашей старой эмиграции вернется обратно на свою Родину. Несомненно, в этом случае процент коренного населения значительно увеличится и дойдет до цифры, являющейся характерной для однородных по своему национальному составу государств.

Для полноты обзора коснемся еще обороноспособности границ. Южная граница Республики Северного Кавказа, в условиях Кавказской Конфедерации, не нуждается в обороне. На западе и востоке Северный Кавказ примыкает к двум морям, которые совместно с топографическим рельефом побережья облегчают значительно оборону. Таким образом, остается открытой только северная граница, идущая по течениям рек Кубани и Кумы. Но и эта граница не всюду легко доступна. Заболоченное нижнее течение реки Кумы творит естественную преграду в ее восточной части. Гористый рельеф местности по нижнему течению Кубани также способствует обороне. В этих условиях соответствующие фортификационные сооружения позволят создать вполне обороноспособную границу, которой, не надо забывать, суждено охранять не только Северный Кавказ и Кавказскую Конфедерацию, но и всю переднюю Азию.

Забота о северной границе потеряет свою остроту, если в соседстве Северного Кавказа образуется дружественный независимый Кубанский Край или какое-либо иное государство, отрешившееся от агрессивной тяги на юг — „к теплым морям и в теплые страны", так характерной для политики России.

Говоря о границах, нельзя не упомянуть о тех логических побуждениях, которые заставляют северо-кавказскую национальную мысль исходить из границ на севере по течениям рек Кубани и Кумы. Эта территориальная концепция строится не на историческом праве и не на соображениях географического характера. Если бы северо-кавказская национальная мысль исходила из этих моментов, то тогда границы должны были бы быть продвинуты далеко на север. Настоящая территориальная концеция — это программа-минимум. Без ее осуществления немыслимо нормальное, свободное и безопасное развитие Республики Северного Кавказа. Она диктуется соображениями экономики и стратегии — двумя моментами, предопределяющими существование всякого государственного организма. И как мы видели, Северный Кавказ имеет достаточно сил и возможностей, чтобы эту концепцию осуществить во всей полноте.

Б. К.

Леса Кавказа

Эксплоатация естественных богатств Кавказа находится, по существу, еще в зачаточном состоянии. Царское правительство, впервые наложившее на Кавказ оковы политического и экономического гнета, не обладало достаточной материальной мощью, чтобы в более или менее полной мере использовать богатейшие экономические возможности страны.

Собственно русский капитал как частный, так и правительственный участвовал в разработке естественных богатств Кавказа в незначительной степени; главную роль в этом играл иностранный капитал и капитал немногочисленной относительно, только что начинающей развиваться, туземной буржуазии.

Едва-ли тысячная доля всех возможностей была использована этими капиталами. К числу возможностей, оставшимися почти совершенно не использованными, можно отнести и обширные лесные богатства Кавказа. Разработка лесных богатств и при советской власти не пре-

терпела сколь-нибудь значительного изменения.

Говоря о лесах Кавказа, мы должны отметить чрезвычайное разнообразие климатических типов на Кавказе. Это разнообразие обуславливается — во первых, строением страны, во-вторых, положением ее между областями резко различающимися по климату.

С запада и востока, по всей границе, к Кавказу примыкают моря, на север и юг от него тянутся обширные степные пространства, которые, по мере удаления к востоку и югу, переходят в пустыни. Близость морей, песчаных и каменистых степей и плоскогорий создает резкую противоположность отдельных районов в климатическом отношении.

Горные цепи, пересекающие Кавказ в различных направлениях, увеличивают и без того сильно выраженные отличия климатических типов и обуславливают существование самостоятельных видов климата в защищенных или высокорасположенных местах.

Такое разнообразие климатических типов не могло не отразиться и на растительном покрове Кавказа, в частности и на его лесах. Благодаря приспособлению к местоположению и климату, растительный покров Кавказа приобрел в отдельных районах некоторый специфический характер, соответствующий местным климатическим условиям, ибо никакое иное явление не отражает климат с той ясностью, как растительные сообщества.

Согласно той специфичности, каковую приобрели отдельные лесные районы Кавказа, они могут быть подразделены на ряд особых областей, отличающихся друг от друга характером и видом их составляющих лесных пород.

Таковыми районами будут:

1) Юго-западная часть Черноморского побережья от Батума до Туапсе. Климат здесь влажный, субтропический, восточно-азиатского типа (Японии, Южного Китая и т. п.).

2) Северо-восточная часть Черноморского побережья от Туапсе и до Новороссийска и Ленкоранская низменность, лежащая в юго-восточной части Кавказа. Климат здесь блиский к средиземно-морскому, а в последнем случае явно субтропический.

3) Алазанская долина и долины у южной подошвы главного Кавкасского хребта. Климат—субтропический, переходный к средиземно-морскому.

4) Область горных лесов Большого и Малого кавкасских хребтов. Климат умеренно-холодный, типа северо-западной Европы.

Кроме этих, преимущественно лесных районов, на Кавказе имеются и районы, где леса встречаются в виде отдельных оазисов—в некоторых случаях достаточно великих для того, чтобы удовлетворять не только нужды местного населения, но и быть эксплоатируемыми промышленно.

В одном исследовании мы встречаем следующее описание лесов юго-восточной части Черноморского побережья, отнесенных, согласно приводимой классификации, к типу первому:

„Густые лесные дебри, спустившиеся до самого берега Черного моря, перевиты тысячами лиан, которые делают эти дебри положительно непроходимыми; роскошный рост самых разнообразных древесных пород; сырость тенистых лесных насаждений, в которых бук и граб растут совместно с вечно-зеленым подлеском из лавров, самшита,*) рододендров и т. д.; почва, как губка напоенная водой, — вот характер растительности южной части западного Кавказа, столь резко отличающийся от характера растительности средиземно-морской области, ксерофильной, малорослой, приспособленной переносить засуху, которая ежегодно, в продолжении 2—3 месяцев, господствует в Италии, Испании, Сицилии и т. д.".

Говоря о „густых дебрях", исследователь нисколько не преувеличивает, ибо действительно широколиственные, отличающиеся большим разнообразием древесных пород, леса одинаково роскошно распространены как в горах, так и в местности непосредственно примыкающей к морскому берегу.

Из отдельных пород, встречающихся в этой части Кавказа, можно назвать — 1) горную и приморскую сосну—Pinus montana et P. maritima, 2) пихту — Abies normaniana, 3) дуб — в нескольких видах, включая и пробковый, 4) бук так-же в виде Fagus silvatica, F. piramidalis и F. purpurea, 5) граб — Carpinus, 6) густолиственный инжир, 7) орех — очень ценное дерево для выделки мебели, 8) тисс —

*) Buxus sempervirens—очень ценная порода, употребляемая на выделку музыкальных инструментов из дерева: кларнетов, флейт и т. п.

Faxus baccata, 9) лавры, 10) лавровишню—Prunus lauroceranea, 11) клен—Acer, 12) кизил — Cornus maas и т. д.

Близость морского пути и вытекающее отсюда значительное удешевление производственных расходов дают все гарантии к тому, чтобы поставить здесь лесную промышленность на широкую ногу. В этом направлении в недавнем прошлом уже предпринимались известные шаги — правда, далеко не отвечающие тем возможностям, которые здесь имеются на лицо. Достаточно указать на лесопромышленное предприятие Максимова, находившееся у урочища Лат и обслуживавшееся почти 2 тысячами рабочих. Это, кажется, единственное более или менее значительное лесопромышленное предприятие на Кавказе, существовавшее с чисто-русским капиталом. Большинство остальных предприятий обслуживались местными средствами.

Если мы обратимся теперь к лесам Ленкоранской низменности, то увидим, что средиземно-морский субтропический климат, характеризуемый мягкой влажной зимой и, в противоположность западной части Кавказа, бедный осадками летом, придал этим лесам несколько отличный, от упомянутых выше лесов, характер. Преобладающими породами здесь являются каштановый дуб, железное дерево, клен, шелковая акация — Acacia ilibrisina, гледичия — Gleditchia caspica, липа, ясень и лапина—Porrotica persica; встречаются также орех, явор, дзелква, плющ и изредка самшит в виде кустарника. В состав этих лесов входят, правда, многие европейские виды, но наряду с ними встречаются и виды свойственные только южному берегу Каспийского моря — например, особый вид железного дерева, произрастающий только в этой местности.

Близость безлесного Туркестана служит достаточным основанием для того, чтобы эксплоатация лесов и этой части Кавказа приняла более широкие размеры.

Алазанская долина и остальные долины, расположеные у южного подножия Кавкасского хребта, сходны по климату с долинами, находящимися у подошвы итальянских Альп. Эта часть характеризуется преобладанием атмосферических осадков весной и ранним летом, жарким летом, продолжительной теплой осенью и умеренной зимой. Средняя годовая температура в некоторых частях этого лесного района бывает выше 13°C. Больших морозов не бывает и потому при соответственных приемах культуры, здесь успешно растут такие нежные растения, как масличные деревья, рами и т.п. Характер местных лесных насаждений значительно приближается к таковому-же горной полосы Большого и Малого кавкасских хребтов.

Грузинская самостоятельность внесла значительное оживление в эксплоатацию лесных богатств этой полосы, придав ей массовый, промышленный характер, особенно в Кахетии. К сожалению, вероломное нападение красной Москвы не дало возможности развить в полной мере эту промышленность.

Подойдя к области горных лесов Большого и Малого Кавказа, мы должны сказать, что на долю этих лесов приходиться самая значительная часть из общего количества лесов Кавказа. В климатическом отношении, как мы уже сказали, эта область приближается к северо-западной части Европы. Средняя температура самого теплого месяца здесь по крайней мере +10°C и не выше +22°C; самого холодного не ниже +6°C. Зиму лежит во многих местах снежный покров, в более теплые времена осадков достаточно.

Лесная растительность состоит из лиственных (преимущественно с отпадающей листвой) и хвойных деревьев, а также и кустарников. Лиственные и хвойные породы северной холодной зоны занимамают в этой области обширные площади. Обитают они, главным образом, горные склоны, ущелья, долины, седловины, горные плато и т. п. на высоте от 300—600 метров до 1800—2000 мет. Верхняя граница лесов доходит до годовой изотермы ‡ 3—4°C и эта полоса характеризуется преимущественно хвойными породами и березой. Ниже идут леса лиственные. Промышленная ценность и тех и других огромна, но для их эксплоатации почти ничего не сделано.

Всего на Кавказе, по данным 1915 г., находилось около 5.000.000 десятин леса, числящихся за казенным ведомством.

В это количество не входили леса принадлежащие бывшему удельному ведомству, затем вакуфные и монастырские. На долю этих последних, а так-же на долю сельских обществ и частных владельцев приходились остальные 2.000.000 десятин, находящихся на Кавказе лесов. Т. образом, лесная площадь Кавказа выражается

суммой равной приблизительно 7.000.000 десятин.

Если из этого количества отбросить леса, принадлежавшие бывшему удельному ведомству, а так-же вакуфные и монастырские, по своему характеру вполне пригодные для эксплоатации, то, по тем же данным, на Кавказе считалось 4352156 десятин „удобной лесной почвы", т.е. лесов, где возможно было правильное ведение и эксплоатация лесного хозяйства без особых к тому капитальных затрат, и только 597666 десятин „устроенных лесов", т. е. лесов, где вышеупомянутые принципы уже проводились на практике или, говоря иначе, где ведение лесного хозяйства приобрело известную систематичность и эксплоатация лесов приняла организованные формы.

Конечно, последняя цифра смехотворна и далека от идеала; лесная промышленность на Кавказе имеет все виды для успешного развития, но для этого должно быть уничтожено основное препятствие к такому развитию: политический гнет, в котором пребывают Кавказские государства и народы.

Частная инициатива в свободном и независимом Кавказе обеспечит рациональное и продуктивное использование лесных богатств.

Барасби Байтуган

Нужно-ли это?

В последнее время в некоторых кругах национальной северо-кавкасской эмиграции выявляется странная, по меньшей мере, тенденция. Эти круги приписывают русской культуре в будущих судьбах Северного Кавказа какую-то исключительно положительную роль: они выделяют эту культуру из ряда иных культур и считают, что развитие Северного Кавказа, даже при условии независимого существования, не мыслимо без тесной связи с нею. В качестве аргумента выставляется при этом наша география: соседство наше с Россией, с источником этой культуры.

Практическая польза такого исключительного отношения к русской культуре для нас непонятна. Мало того, выявление этой тенденции в настоящий момент, когда национальный Северный Кавказ должен всячески противодействовать влиянию русской культуры, кажется нам опасной.

Сознательное заимствование чьих-либо культурных достижений или таковое же сотрудничество с какой-либо культурой отнюдь не обуславливаются географией. Пример Японии в этом отношении наиболее показателен.

Вместе с этим, всякая культура только тогда достойна подражания и только тогда может быть выделена из ряда иных культур, если содержит в себе элементы общечеловеческого значения и ценности и если эти элементы являются изначальным продуктом данной культуры. При отсутствии последнего условия, всегда выгоднее обращаться к первоисточнику, если таковой имеется на лицо и связь с ним возможна.

Общечеловеческая ценность русской культуры — относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, заимствованный характер. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока. Эта особенность русской культуры была неоднократно подчеркивaема и самими русскими людьми. „Все время ученики, — говорит Андреевич в своем „Опыте философии русской литературы"*) — мы даже свою „самобытность" обосновывали на учениях Запада (подобно тому, как сейчас „евразийцы" пытаются подвести под эту „самобытность" элементы Востока — Б.Б.), что случилось с нашими реакционерами, самобытниками начала века, подчинившимися влиянию Де-Местра, со славянофилами, обильно черпавшими у Гегеля, Гаксгаузена и особенно Шеллинга, позже — с почвенниками".

Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свои язык, религию и культуру на возможно большее

*) С.-Петербург, 1905 г.

число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Идея всемирного владычества, практически проводимая государственной властью, теоретически отображалась в идее „мессианства" — особого культурного предназначения русского народа, которой не было чуждо ни одно из идеологических течений, существовавших (и существующих) в русском обществе.

В настоящее время идея „мессианства" ожила с новой силой. Мы видим, как для ее вящего обоснования новоявленное течение „евразийцев" выискивает псевдотуранские элементы в русской культуре. Но особенно яростные ассимиляционные стремления проявляет русский „интернационализм", русская „советская общественность", которой судьба предназначила в настоящий момент официально представлять русскую культуру. В стремлении привить не-русским народам „национальную по форме и социалистическую по содержанию" культуру, видно извечное желание русской идеологической мысли нивеллировать под единый уровень психологии московита насильственно-склееный многонациональный лик России. Ведь не будем-же мы утверждать, вслед за белой русской эмиграцией, что сегоднешняя „социалистическая культура" не является русской культурой, что это не один из этапов ее развития, а нечто постоpонее, чуждое душе русского народа, против воли последнего засевшее в Кремле.

И вот, учитывая эту агрессивную сущность русской культуры не только в исторической переспективе, но и в действительности настоящей, мы не можем уяснить себе практическую необходимость даже терпимого отношения к русской культуре, не говоря уже о приписывании ей каких-то особенно положительных свойств в нашей судьбе.

К чему это, и нужно-ли это? Не ослабит-ли такая тенденция усилий масс, которые на Родине всеми силами противодействуют влиянию этой культуры?

Ведь, если „тесная связь" с ней „неизбежна" в дальнейшем, то чего ради бороться с ней сейчас?!

Muhacirler arasında — Среди эмиграции

ÂDİL BEYİN MARUZASI

Şubat ayının 14 nde Çekoslovakiyanın Brno şehrindeki Çek-Leh klubu salonunda teşkilatımıza mensup mühendis Âdil Bey Kulatti „Leh muhacirlerinin Türkiyede ve Şimalî Kafkasyada faaliyeti" mevzuunda bir konferans vermiştir.

Çek dilinde verilen bu konferansında Âdil Bey, A Çartoriyskinin Yakın Şarktaki faaliyetini izah etmiş, leh milliyetçilerinin Dağlıların ruslara karşı savaşlarına nasıl yardım ettiklerini, Tevfik Beyin (Lapinski'nin) Garbî Adigeye olan seyahetini ve İmam Şamil ordusunda çalışan leh alayının rolunu etrafile anlatmıştır.

Maruza çok derin bir alaka uyatmış ve samimî müzakeratı mucip olmuştur.

Mezkûr klubun reis vekili müsteşar Birkl çok kıymetli nutkunda .Leh ve Rus muhacirleri arasındaki ideoloji farkı kaydederek demiştir, ki:

— Leh muhacirleri ideoloji itibarile çok kuvvetli olup mücehhez bulundukları yüksek hürriyet aşkile Avrupaya bir canlılık ve kurtuluş idealleri yaymış ve o zamanın edebiyatında derin bir iz bırakmıştır. Fikirlerini teyit için nâtik alman ve sair avrupa edebiyatından bir çok misallar zikretmiştir. Rus muhacirleri ise irticaî ideoloji ve imperyalistik temayül besledikleri için muhacirette müsbet rol oynamak iktidarından mahrumdurlar.

Nutkunda M. Birke, — Yakın Şark medeniyetini bilmemek ve takdir etmemek, Yakın Şark milletlerine karşı büyük bir haksızlık olduğunu kayderek maruzaçıdan Yakın Şark milletleri ve alelumum İslam Şarki ile klup azalerini tanış etmek vazifesini deruhte etmeyi rica etmiştır.

M. Birkl'den sonra söz alan Ragunas, ideoloji itibarile leh muhacirleri vaz'iyetinde olan Kafkasya, Türküstan, Edi-Ural v.s. muhacirlerini rus muhacirlerinden tefrik etmek lüzumunu ileri sürmüştür.

M. Kvasnitski, Lehistan efkâri umumiyesinin Kafkasya milletlerine ve alelumum Şarka olan derin alakasına nazarı dikkatı celbetmiştir ve misal için „Wschód" (Şark) mecmuasını göstermiştir. Lehistan efkârı umumiyesinin Kafkasya ve Şark milletleri hakkındaki haleti ruhiyesini gösteren bu mecmuanın klupta mevcut olmamasına teessüf etmiştir.

Brno da tahsilde bulunan leh talebeleri cemiyeti namına söz söyliyen M. Vardas, ayni maruzanın leh talebeleri için de ayrıca tekrar edilmesini rica etmiştir.

Maruzaçının son sözünden sonra klup reisi professor Kolaya Âdil Beyi, muvaffakiyetli konferansından dolayi tebrik etmiş ve klup muhitine bir canlılık vermesi münasebetile ona resmen teşekkür etmiştir.

KAHİRE'DE

Kahireden verilen malumata göre oradaki çerkes kolonisi bir izci teşkilatı kurmağa karar vermiştir. Bu münasebetle müteşebbis heyeti san'atkâr dağlılara müracaat ederek izçiler için bir for-

ma tersimini rica etmektedir. Bu hususta tanzim edilecek forma projeleri, Kahireye gönderilmek için, idarehanemizde teslim edile bilir.

В КАИРЕ

Нам сообщают из Каира, что тамошняя черкесская колония решила организовать собственную дружину скаутов. В связи с этим, инициаторы этого начинания обращаются ко всем горцам, обладающим художественным талантом, с просьбой запроэктировать форму для наших скаутов. Проэкты можно присылать в редакцию нашего журнала, откуда они будут пересланы по назначению.

ХУЛИГАНСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА АЯС-БЕЯ ИСХАКИ

В свое время нами сообщалось о поездке на Дальний Восток г. Аяса Исхаки, лидера национального Идел-Урала. Поездка Аяс-Бея была вызвана намерением организовать национально тюрко-татарскую эмиграцию Идел-Урала, которая в значительном числе сосредоточена на Дальнем Востоке.

Энергичная деятельность Аяс-Бея в этом направлении по приезде в Японию, пришлась не по душе бандам русских монархистов, злоупотребляющих гостеприимством Японии, и примазавшимся к ним нескольким тюрко-татарским „политикам", сгруппированным вокруг издаваемого в Токио на татарском языке журнала „Ени Жапон Мухбири".

В результате, этот хулиганский блок махровых русских черносотенцев и „истинно-русских татар" произвел безобразное нападение на г. Исхаки 11 февраля т.г.

Как нам сообщают из Кобэ, нападение произошло при следующих обстоятельствах:

11 февраля в Токио состоялось общее собрание организованного стараниями Аяс-Бея Исхаки „Культурного общества тюрко-татар Идел-Урала". Председателем собрания был известный японский профессор Окубасан. И вот, когда на трибуне появился г. Исхаки и приступил к докладу о задачах общества, в помещение, где происходило собрание, ворвалась банда русских и „истинно-русских из татар" во главе с известным в Токио черносотенцем Поротиковым и редактором журнала „Ени Жапон Мухбири" Курбан-Али-Моллой. С криком — „мы не позволим делить Россию! Приехал какой-то турок и хочет на русской земле строить турецкое государство!" — хулиганы столкнули Аяс-Бея с трибуны. Произошла общая свалка, в результате которой нападающие были выброшены на улицу.

Нападение на всеми уважаемого и широко известного в мусульманском мире политического деятеля (г. Исхаки был одним из делегатов Всемусульманского конгресса в 1931 г. и состоит членом избранной этим конгрессом экзекутивы) вызвало всеобщее возмущение среди мусульман в Японии.

Через несколько дней после нападения (18 февраля), в Токио собралось специальное совещание мусульман, на которое прибыли делегаты из всех городов Японии, где имеется мусульманское население. Среди делегатов были индусы, турки, малайцы и т.д. Совещание выделило специальный суд, который расследовал все обстоятельства нападения. Суд установил в полном об'еме провокационную роль Курбан-Али-Моллы, главного организатора нападения. При этом выяснилось, что Курбан-Али-Молла при царском режиме был агентом охранки. Выяснилось так-же, что Курбан-Али-Молла, под видом борьбы за религию, ведет на страницах „Ени Жапон Мухбири" систематическую пропаганду против освободительных течений нерусских народов СССР. Такая же пропаганда ведется им и против новой Турции и ее вождя Гази Мустафа Кемаля. Всеми средствами он старается настроить японское общественное мнение против национально-освободительных движений в СССР и против Турции. Но, выставляя себя крайним консерватором, он весьма часто проводит в своем журнале тезисы, которые очень напоминают излюбленные мотивы большевистской пропаганды.

Все эти и многие иные моменты были документально установлены избранным мусульманской общественностью судом.

Суд закончил свою работу 27 февраля. Тогда же состоялось и заключительное заседание собравшегося в Токио совещания. Все собравшиеся на этом заседании устроили Аяс-Бею овацию и выразили глубокое возмущение по поводу хулиганской выходки Курбан-Али-Моллы и его русских „молодцов".

Помещая это сообщение, редакция журнала „Г.К." всецело присоединяется к мнению совещания в Токио и верит, что наш соратник в общей борьбе, всеми уважаемый Аяс-Бей Исхаки, несмотря на происки и хулиганские выходки различных Курбан-Али, доведет до успешного конца начатое им дело по организации тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке.

Вести с Родины

НОВАЯ АТАКА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ САМОБЫТНОСТЬ ГОРЦЕВ

Как известно, советская власть под фирмой „национальной по форме и социалистической по содержанию культуры" проводит „социалистическую" руссификацию всех не-русских народов СССР. Вся т. н. национальная политика советской власти сводится к борьбе с национальной самобытностью угнетаемых народов. Методически эта самобытность подвергается уничтожению во имя „единства социалистической культуры".

На Северном Кавказе борьба вначале велась с религией (шариатом), затем с адатом, в 1928—30 г.г. был „поход против кинжала", сейчас-же пришла очередь „старой нацодежды" — черкески, бешмета и пр.

Большевики решили на Северном Кавказе „в национальную одежду внести элементы социалистической культуры" — т. е. приблизить национальную одежду горцев к русской косоворотке и, по крайней мере, внешне сгладить разницу между московской метрополией и кавказской колонией.

Новая атака на национальную самобытность Северного Кавказа начата была с присущей большевикам систематичностью и „ударно". Инициатива „похода", конечно не без ведома и даже прямого давления власть имущих, была проявлена русскими рабочими швейной фабрики в Терк-Кала.

Эти рабочие „на больших собраниях, посвященных встрече 17-го с'езда партии, предложили реорганизовать швейную фабрику специально для пошивки национальной одежды". („Пролетарий Осетии" от 8.I.1934).

„В Черкесию, Кабарду, Дагестан и Чечню выехали 2 бригады швейников по изучению спроса и вкусов на национальную одежду. Бригады беседовали по этому вопросу с секретарями обкомов партии этих областей, научными работниками, произвели совещания работников торгующих организаций, выезжали в передовые колхозы и проводили там собрания и собеседования, посвященные национальному платью. Бригады собрали богатейший материал". (Там-же).

Весь этот „богатейший материал" был помещен в цитированном и дальнейших номерах газ. „Пролетарий Осетии". Знакомство с этим материалом не лишено интереса, хотя, как мы видели из выдержки, он далеко не представляет мнения широких масс: бригады беседовали с советскими сановниками (секретарями обкомов партии), с „передовыми колхозниками" и т.п. „благонадежным" элементом.

Весь „материал" можно разделить на две основные части: 1—мнения, высказываемые русскими и 2—мнения горцев. В первых видно твердое желание достичь намеченной цели, в них навязывают горцам „одежду с элементами социалистической культуры", прибегая при этом к беззастенчивой лжи и бахвальству, а местами и к прямым угрозам. Во втором же случае видна попытка к самозащите, желание допустить в нац. одежду возможно меньшее количество атрибутов „социалистической культуры".

Наиболее характерные места высказываемых мнений нами приводятся ниже, при чем вначале мы помещаем мнения русской части опрашиваемых, а затем мнения горцев и горянок.

Во-первых, процитируем несколько выдержек из передовицы газ. „Прол. Осетии" (отв. редактор К. Швальбе), посвященной этому вопросу.

„Известно, — читаем в передовице — что труженник-горец одевался очень бедно и то, что женщины горных районов Ингушетии и Чечни до революции не имели представления о нижнем белье (?!—известно, что горцы называли русских „сыновьями бесштанных", благодаря тому, что женщины соседних казачьих станиц и крестьянских сел не носили некоей части нижнего платья. В горской-же среде женщина без нижнего белья была недопустимым, невозможным явлением — С.).

...Путь к старому — национальной одежде — навсегда отрезан (здесь уже слышна определенная угроза — С). И кабардинец и чечен считают его громоздким и неудобным, непрочным и негигиеничным. Старое платье в аулах носят лишь старухи и то тогда, когда идут фотографироваться или едут на базар...

...Материалы бригады говорят: В Чечне и Дагестане, Черкесии и Кабарде у горцев-мужчин большая тяга к брюкам галифе и рубашке-азиатке. Правда, для кабардинцев и народностей Дагестана одну и туже азиатку нужно шить по разному: для одних на крученых пуговицах, для других на шнурах и так далее (здесь уже определенно чувствуется любимый мотив большевиков — „разделяй и властвуй"; раньше черкеска всюду шилась на одних и тех же „пуговицах", а сейчас для „азиатки" понадобились в Кабарде „крученные", а в Дагестане „на шнурах"—С.)"...

Заканчивается передовая следующим образом:

„Бригады беседовали с десятками колхозников—черкесов, кабардинцев, ногайцев, карачаевцев, абазинцев, балкарцев, чеченов — и людей разнообразнейших национальностей, из различных сторон края об'единяет одно: они горячо и любовно благодарят великую партию Ленина за чуткую, действительно человеческую заботу о националах".

В последнем абзаце особенно чувствуется безпредельная наглость большевиков. Людей „различных национальностей", кроме бесконечного числа общих начал, выращиваемых веками, об'единяет ныне еще одно: общая ненависть к „партии Ленина", которая вот уже второе десятилетие подвергает их нечеловеческим страданиям.

В том-же номере „Пр. Ос." (от 8—I—1934) приводится заявление секретаря обкома ВКП(б) Черкесии „товарища" Кравцова.

„Вы спрашиваете,—говорит Кравцов, отвечая одному из членов „бригады"—стоит-ли возвращать национала к старой национальной одежде. Я думаю, что не надо". (Разбивка здесь и далее наша—С.).

И немного далее —

„К высказыванию колхозников о национальной одежде надо относиться очень осторожно. При выборе красивого платья колхозник бессознательно мобилизует свои личные вкусы или привычки, высказывает тенденции недавнего собственника".

Кравцов не признает „личных вкусов колхозников", ибо—это „тенденции недавнего собственника", который всегда ходил в черкеске. Он советует шить „некоторую разновидность старой национальной и новейшей европейской одежды", которая будет содержать в себе элементы „социалистической культуры", взращенной на русской почве.

Аналогичную тенденцию проводит и другой советский сановник — Фиолетов, председатель крайсуда.

„Мне кажется,—говорит он — что этот поход должен быть походом за современный национальный костюм, но против старой национальной одежды. Наш национальный костюм должен быть очень удобным и изящным. (Что может быть красивее, изящнее и удобнее черкески, „товарищ" Фиолетов?!). Мы должны удалить из него все то нехорошее, что было в старом национальном костюме. Кстати, мы должны учесть в этом вопросе очень интересный опыт дружественной нам Турции".

Далее Фиолетов дает весьма оригинальное „обоснование" проводимого „похода":

„Мы требуем от колхозника и рабочего большой производительности труда. Нам надо создать такую одежду, чтобы она способствовала этой производительности. Одежда должна быть не только красива, но и удобна. Она не должна колхозника стеснять в движениях, в работе".

В этих словах кроется истинный смысл борьбы большевиков с черкеской, о котором мы говорили вначале. Борьба отнюдь не преследует практические цели повседневной жизни (удоб-

ство в „движении и работе" и т. п.) и, говоря о них, Фиолетов стремится замаскировать настоящую цель большевистских стремлений. Ни один горец ни на какую работу не ходит в черкеске. Для работы существует рабочая одежда, черкеска же костюм „выходной", праздничный. И обосновывая борьбу с черкеской столь несуразно, Фиолетов лишь подтвердил настоящую задачу этой борьбы: стремление к денационализации Северного Кавказа; это одна из мер перекройки „окраин" под русский шаблон.

Мнения, высказываемые горцами, носят уже иной характер. Несмотря на то, что высказывается оппортунистический элемент—члены и руководящие работники партии, „передовые колхозники" и т. д., в их мнениях, наряду с вполне понятными в настоящих условиях комплиментами по адресу советской власти, слышится замаскированная жалоба на мероприятия этой власти, а иногда и определенная „контр-революция".

Наиболее характерно заявление Бетала Калмыкова — секретаря обкома ВКП(б) Кабардино-Балкарии.

„В последние годы—говорит он—мы наблюдаем, как стремительно быстро национал переходит от старого национального платья к европейскому. (Далее, в заявлении А. И. Алкадарского, мы увидим причину этого перехода—С.). Этим движением надо руководить. У националов Кавказа должен быть свой, отличный от других национальностей, костюм. Я даже выдвигаю мысль о создании интернационального костюма кавказцев".

Ай да Бетал! До такой мысли не додумались даже наиболее ярые кавкасские конфедералисты и даже сторонники полного единства Кавказа. Секретарь-же обкома ВКП(б) Калмыков ее „выдвинул". Браво!

Алкадарский (заведующий сектором краеведения Дагестанского научно-исследовательского института) посвящает разбираемому вопросу целую статью под заглавием „Вкус на костюм стал иным" („Пр. Осетии" от 8—I—34).

Вначале он описывает национальную одежду горцев (черкеску, бешмет и т. д.), причем пишет не в прошедшем, а в настоящем времени. „Одежда горцев Дагестана носит общекавкасский характер и не отличается от одежды других горских народностей Кавказа"—говорит он. После описания предметов одежды, он замечает, что сукна на черкески, бурки и т. п. производились домашними средствами в хозяйстве горца и что, благодаря своей доброкачественности, эти предметы пользовались широкой известностью и вне пределов Кавказа. Это место излагается уже в прошедшем времени. Причины об'ясняет он следующим образом:

„В последние годы, в связи с дефицитностью шерсти, кустарные артели перешли на сокращение производства" — т. е. иными словами советские реквизиции—мясозаготовки, шерстезаготовки и т. п. уничтожили горское овцеводство и разрушили старый, как горы, достигший высокого совершенства кустарный промысел по выработке знаменитых горских сукен и бурок. Это обстоятельство об'ясняет и заявление Калмыкова о том, что горцы „стремительно переходят к европейской одежде" в виде советских „азиаток" и галифе. Поневоле перейдешь, не ходить-же голым.

Об'яснив столь „дипломатически" — почему „вкус на костюм стал иным", Алкадарский, как бы испугавшись своей смелости, старается в заключении „поправиться", переходя на обычный большевистский стиль.

„В последние годы,—говорит он—в связи с общим огромным культурным и экономическим под'емом (хороший „культурный и экономический под'ем", когда на Северном Кавказе, славившимся своим многомиллионным культурным овцеводством, даже шерсть стала „дефицитным товаром"—С.), горец и горянка во многом изменили свою одежду. .

Теперь горцы в огромном большинстве перешли к ношению длинных азиатских рубашек с высоким воротником, с туго зашнурованными манжетами на рукавах. Брюки теперь полугалифе на учкуре. На ногах большие сапоги чувяки с длинными голенищами, а иногда и ботинки с шерстяными гетрами.

Горянка также сделала большой сдвиг в своей одежде. Она уже приспособилась к общепринятому женскому пальто и к перчаткам, и к теплым шерстяным и вязанным головным шалям, и к вязанным кофточкам, и к длинным платьям с разрезом на кнопках сбоку или спереди, с кокеткой и без нее".

В последнем абзаце Алкадарский приписывает горянкам почти европейские вкусы.

Но вот что заявила в Чечне (в ауле Старые Атаги) членам опрашивающей „бригады" „колхозница" Амагова Халипат:

„Платье у чеченки пестротканное, ровное, типа халата, без всяких разрезов, с застежкой на плечевом шве. Праздничное платье ничем не отличается от будничного, разве только небольшой кокеткой спереди. Панталоны мы носим длинные и широкие, как мужские. Такие и шейте, а то нам присылают русского типа, а мы их не носим".

Или, например, заявление „делегатки Гизельдонстроя" Софиат Джанаевой:

"Хорошо платье „колхозница", но, мне кажется, прорез воротника слишком велик. На выставке несколько платьев без рукавов—такие платья не нравятся националкам".

Работница консервной фабрики гор. Шамиль-Кала, Анай Асселер, так определяет вкус своих дочерей:

„У дочерей костюмы меняются чаще, чем у ребят, но если внимательно проследить и за их вкусами, то можно установить, что им нравится больше всего. Мне кажется, что они хотели бы иметь шерстяные или шевиотовые платья темно-синего, голубого или кремовых цветов, с длинными рукавами и опрятным воротничком".

Как видим, во всех этих мнениях нигде не говорится о „разрезах спереди и сбоков", о которых говорит Алкадарский. Наоборот, все выражают желание, чтобы „разрезов" было как можно меньше.

Ответы опрашиваемых горцев и горянок выявляют еще один момент, весьма характерный для советской действительности. Это — почти полное отсутствие в продаже предметов одежды и ниское качество того, что в продаже имеется.

Вот, например, заявление Игукежевой — делегатки Кабардино-Балкарии:

„В Нальчике много магазинов, продающих готовое платье. Мы внимательно следили за готовым платьем, поступившим в магазин за эту зиму и пришли к такому заключению:

Всю зиму в магазин поступали одни и те же белые майские платья, годные лишь для лета. Мало этого, фасоны этого платья однообразны и

безцветны. Платья сшиты „на живую нитку" с массой грубых рубцов и стоят очень дорого (не меньше 30—40 рублей)".

В Чечне и Черкесии бригада выяснила, что „Союзшвейсбыт присылает неходовой в условиях нацобластей товар, и он месяцами лежит на складах без движения". Кроме того, „швейная промышленность совершенно не учитывает сезонного спроса — летом досылается фланелевая и ватная одежда, а зимой сатиновая или адриновая". И наконец — „особенно плохо с женской нацодеждой. Вместо простых пестротканных длинных и широких с закрытым воротником платьев союзшвейсбыт досылает салонные шелковые с огромным декольте".

Или, например, слова Омарова — секретаря Тляратинского райкома партии в Дагестане:

„Вы, конечно, знаете, что в горах многие женщины до сих пор ходят без пальто. В районный центр я привез однажды 15 пальто и передал их райснабу для распределения между лучшими работницами наших маленьких предприятий. Через некоторое время мы собрали слет ударниц-женщин предприятий и колхозов. На этом слете присутствовал и я. И вот в конце заседания выступает националка-колхозница и обращается ко мне с упреком:

— Почему ты купил пальто для работниц, а не купил колхозницам?"

Всюду, во всех областях и районах, ощущается острый голод на одежду. Отовсюду несутся возгласы: Дайте пальто! Дайте иные предметы одежды — пусть это будут даже „азиатки" и „абхазки" (так называют ныне обыкновенную меховую шубу, крытую сукном, с карманами сзади), ибо нам не в чем ходить.

Но, видимо, горцам при советской власти едва-ли суждено быть прилично одетыми. Об этом свидетельствует выступление Евдокимова (секр. Сев.-Кавк. крайкома партии) на собрании городского партактива гор. Терк-Кала.

„Если посмотреть как работают наши предприятия, — сказал Евдокимов — то на одно из последних мест в шеренге наших фабрик и заводов надо поставить швейную фабрику (это ту фабрику, которая выявила инициативу „по пошивке нацодежды" — С). Вот уже два месяца, как фабрика не работает из-за отсутствия электроэнергии".

Упоминаемое собрание происходило в конце января т.г. (газета „Пр. Осетии" писала о нем в номере от 17.I.34); надо думать, зная советские порядки, что фабрика эта стоит и до сих пор. Таким образом, горцам еще долгое время придется ждать даже советские „азиатки" и „галифе".

С.

СЛОВА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

На происходившем в начале т. марта в гор. Псыхуабе (Пятигорске) краевом с'езде „колхозников—ударников", „Сталин Кабардино-Балкарии" —Бетал Калмыков выступил с заявлением, что вскоре „каждый колхозник будет иметь квартиру из спальни, столовой, кухни, ванны, будут надворные постройки и гараж для легковой машины". „Это не фантазия" — уверял Калмыков.

В реском противоречии с этими словами советского блюдолиза находится сегоднешняя действительность Северного Кавказа. Вот как, например, описывает эту действительность „Грозн. раб." в № от I—III—1934 г., говоря об условиях жизни рабочих Эльдаровского разведочного района (в большинстве горцев):

„В двух бараках, нормально вмещающих 50 человек, сейчас ухитрились „поместить" 120 ударников.

Нужно ли описывать условия, в которых они живут? В общежитии нары расположены как в больнице. В каждой комнате живет больше 15 человек. Теснота не дает возможности иметь тумбочек, шкафов для спецодежды и другой утвари. 120 человек передовых ударников по несколько месяцев не имеют возможности вымыться. Нет до сих пор не только бани, но и хотя-бы плохонького душа. Семейные рабочие не имеют отдельных квартир. Жить приходится в холостяцких общежитиях. В отдаленные времена эльдаровские рабочие имели красный уголок. Жилищный кризис его „ликвидировал". В нем пришлось поместит рабочих".

Так живут „ударники" — рабочая гвардия в СССР. Об условиях жизни „не - ударников" не приходится и говорить. Они во много раз хуже.

КОНСКИЙ СОСТАВ В ГОРСКОМ АУЛЕ СОВЕРШЕННО УНИЧТОЖЕН, РАБОТАЮТ НА ЛОШАДЯХ, ЗАРАЖЕННЫХ САПОМ

Некий Барсагов на областном с'езде колхозников Север-Осет. авт. области, происходившем в Терк-Кала в конце февраля т. г., приводит такой факт: в одном из колхозов аула Чикола, содержащем 300 дворов, имеется только 37 лошадей. (Аул Чикола был когда то одним из наиболее зажиточных аулов Осетии и, пожалуй, всего Северного Кавказа). На том же с'езде некий Басанец, председатель колхоза „Красный Кавказ" в Ардоне заявил буквально следующее: „Особенно плохо у нас с подготовкой колхозного коня. Из 307 лошадей — рабочих 262, из них 200 маленовой группы — заражены сапом". („Прол. Осетии" от 5—III—34).

Всюду, даже в наименее культурных странах, лошади, зараженные сапом, немедленно уничтожаются, в виду чрезвычайной заразливости и опасности для людского организма этой болезни. В странах Западной Европы сап уже не встречается. В условиях-же „передового государства социализма", как мы видим, почти весь конский состав заражен этой опасной и неизлечимой болезнью и, несмотря на это, используется для работы. Воистину, в своих „достижениях" большевики далеко „догнали и перегнали" не только Европу и Америку, но и наименее культурные страны Азии и Африки.

НЕФТЬ И НЕФТЯНЫЕ ДЕЛА

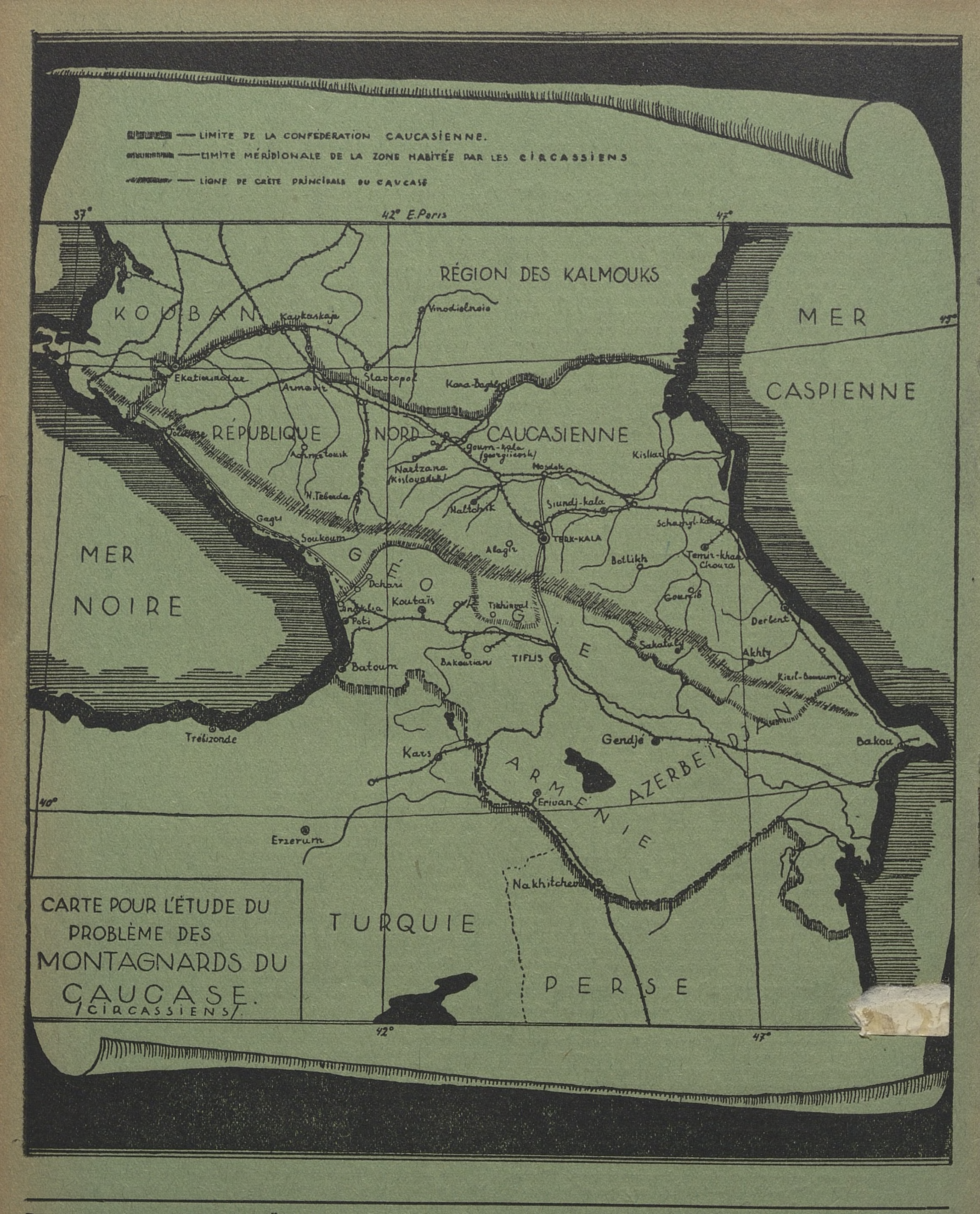
За последнее время в сев. кав. нефтяной промышленности имеются следующие новости:

— Добыча нефти на промыслах Суюндж-Калинского района выполнена за февраль на 80.2%. Всего здесь добыто за этот месяц 272781.7 тонн.

— Там же, в Старом районе, достигнута наивысшая для Кавказа глубина бурения в 2000 мтр.

— 25 февраля в Хош-Мензиле из скважины, бурившейся на газ, с глубины 150 метров получена легкая нефть. Удельный вес нефти — 770. По заявлению геолога Броды, в этом районе можно ожидать значительных нефтепроявлений. Хош-Мензил находится в Дагестане, в 15 кил. от Дербента.

В середине февраля в Майкопском нефтяном районе из буровой № 195, с глубины свыше 1000 метров, ударил мощный фонтан. Суточный дебет — 900 тонн нефти.

Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН **Mecmuanın müdürü: BARASBI BAYTUĞAN**

Адрес редактора — **Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne** — Müdürün adresi

Адрес администрации журнала — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Mecmua idarehanesinin adresi

Zakł. Gr. F. Szwede Warecka 9.